

Эрнст Белфорт Бакс

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1870-1871 гг.

Перевод с английского

Книгоиздательство Петроградского Совета
рабочих и красноармейских депутатов. 1918

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Оглавление

Предисловие

I. Введение

II. Пролог

III. 18-е марта

IV. Центральный комитет и реакция

V. Выборы за коммуну

VI. Неудачное для коммуны начало войны

VII. По поводу различных вопросов

VIII. Внутренняя административная деятельность и политика коммуны

IX. Франкмасоны, комитет общественного спасения и Россель

X. Последние дни Парижа

XI. Вступление версальцев

XII. Баррикады

XIII. «Коммуна или смерть»

XIV. Коммуна умерла

XV. Цивилизованный мир и его «дрожь ужаса»

XVI. Заложники

XVII. Уроки коммуны

материалы об авторе:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#bax>

Тексты на английском языке:

The Paris Commune

<http://www.marx.org/archive/bax/1894/commune/index.htm>

A Short Account of the Commune of Paris of 1871

<http://www.marx.org/archive/bax/1886/commune/commune.htm>

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Парижская коммуна 1871 г. представляет собою событие, которое рабочия партии всего мира единодушно привѣтствуютъ. Каждый годъ 18 марта на тысячахъ собраній вспоминаютъ эту побѣду, къ сожалѣнію, очень кратковременную, организованныхъ рабочихъ надъ капиталистами и привилегированными.

Коммуна, горючая намъ, провела въ жизнь мало мѣропріятій чисто социалистическаго характера; она сдѣлала много ошибокъ, она увлеклась и еей децентрализаціи. Все это правда. Важность коммуны въ исторіи опредѣляется не тѣми мѣрами, какія она провела, даже не превосходнымъ управленіемъ столицы при крайне трудныхъ условіяхъ; важность эта опредѣляется фактомъ, что коммуна является какъ бы вѣхой между двумя періодами рабочаго движенія, представляя собою первую попытку рабочаго класса взять администрацію въ свои руки и, имѣя своей болѣе или менѣе сознательной цѣлью измѣненіе социальныхъ отношеній, — превращеніе современнаго общества въ общество социалистическое. Какъ бы ни были туманны взгляды нѣкоторыхъ лицъ изъ принимавшихъ въ коммуны участіе, всѣ друзья и враги признаютъ, что такова именно была цѣль движенія, символомъ которой служилъ *красный флагъ*.

Ч. Что обозначала хладнокровная жестокость версальцевъ? Что значило молчаливое или явное одобреніе капиталистической печати всего міра самой отвратительной, какая только извѣстна въ исторіи, бойни, на что все это указываетъ, какъ не на отчаянное сопротивленіе капиталистовъ движенію, угрожавшему ихъ классовымъ интересамъ? Павшіе подъ краснымъ флагомъ въ 1871 г. умерли за социализмъ.

I.

Введение.

Историческій очеркъ событій движенія, извѣстнаго подъ именемъ Парижской коммуны 1871 года, слѣдуетъ начать съ установленія его исторической перспективы.

Дѣло въ томъ, что парижская коммуна занимаетъ особое положеніе въ исторіи пролетарскаго движенія. Она завершаетъ собою первый періодъ развитія современнаго социализма, періодъ, въ который элементы предшествовавшихъ движеній все еще неразрывно были связаны съ нимъ. Различіе между социализмомъ и анархизмомъ проявилось еще не вполне: анархистски-индивидуалистическое ученіе Прудона все еще имѣло приверженцевъ въ рядахъ социалистической партіи, — Бакунинъ считался однимъ изъ столповъ Интернаціонала *). Старая французская республиканская партія, выраженіемъ и порожденіемъ которой явилась коммуна, представляла собою весьма пеструю смѣсь. Кромѣ указанныхъ элементовъ, существовали еще пережитки идей 48-го года и даже якобинства Великой французской революціи. Этотъ первый періодъ развитія современнаго социализма ведетъ свое начало отъ основанія лиги коммунистовъ и изданія въ 1847 г. Марксомъ и Энгельсомъ Коммунистическаго Манифеста, а заканчивается фактической гибелью Интернаціонала въ 1873 году. Сыгравъ великую роль во время коммуны, Интернаціоналъ не сдѣлалъ послѣ ничего, о чемъ бы стоило

*) Интернаціоналъ—международное общество рабочихъ, основанное въ 1844 г. Марксомъ и Энгельсомъ.

упоминать, хотя и служилъ предметомъ страха для властей на материкѣ Европы. Но, не говоря о социалистическомъ движеніи, въ дѣлахъ болѣе полного пониманія теченій, слившихся въ парижской коммунѣ, необходимо особенно отмѣтить ея отношеніе къ революціонному движенію 48-го года вообще и къ французскимъ національнымъ революціоннымъ традиціямъ. Европейская революція 48-го года завершила собою буржуазное революціонное движеніе, начавшееся въ XVI вѣкѣ; въ Англіи этому движенію въ концѣ XVIII вѣка удалось отчасти сломить монархическую бюрократію, въ которую превратилась средневѣковая политическая система. Но на материкѣ этотъ политическій порядокъ вещей, основанный на власти правящаго монарха и его чиновниковъ, до конца XVIII вѣка не только не былъ уничтоженъ, но даже сколько-нибудь затронуть. Въ общей реакціи, послѣдовавшей за французской революціей, онъ временно ожилъ съ небольшими измѣненіями и, въ 1830—32 гг. снова потерпѣлъ частичныя потрясенія, но, начиная съ этого времени непреодолимая волна усиленія буржуазіи собрала всѣ свои силы и смела его въ великій революціонный годъ. Средніе классы опирались на сдѣлавшій за нимъ пролетаріатъ, политически еще не отдѣлившійся отъ нихъ и составлявшій, такъ сказать, ядро, тѣло прогрессивной партіи, руководителями которой стремились быть вожаки среднихъ классовъ.

Одной изъ главныхъ характерныхъ чертъ движенія 48-го года былъ „патріотизмъ“, подъ которымъ понималось національное объединеніе, централизація, ставшая прямо маніей („объединенная Германія“, „объединенная Италія“, „независимая Венрія“ и т. д.). Съ тѣхъ поръ осуществилось много патріотическихъ мечтаній объ объединеніи, независимости и т. д., на которые потрачено было столько прекрасныхъ риторическихъ фразъ и изведено столько чернилъ. Всѣ эти стремленія теперь

перешли въ дѣйствительность. Но что даль, въ концѣ концовъ, эготъ централизирующій бюрократизмъ, изъ-за котораго дѣятели 48-го года ораторс. воевали, боролись, возмущались и проливали слезы, какъ изъ-за конечной цѣли человѣческихъ стремленій? Теперь всѣ эти „объединенныя“ національности стонутъ подъ игомъ объединенныхъ и независимыхъ военныхъ и административныхъ бюджетовъ своихъ возлюбленныхъ отечествъ. Въ концѣ концовъ, можно придти къ выводу, что ужъ если рисковать шкурой въ какомъ-нибудь революціонномъ предпріятіи, то лучше прибегнуть ея для чего-нибудь болѣе достойнаго, чѣмъ жалкіе результаты, ради которыхъ поплатилось столько дѣятелей 48-го года.

Въ 1848 году былъ заложенъ современный конституціонный фундаментъ Европы, и съ тѣхъ поръ „прогрессивныя“ движенія средняго класса становились все болѣе и болѣе умѣренными по мѣрѣ того, какъ самъ онъ становился политически господствующимъ. Съ 48-го года прекратились даже революціонныя вспышки мелкой буржуазіи, такъ какъ ея главная цѣль была достигнута, а другія цѣли свои она преслѣдовала мирнымъ конституціоннымъ путемъ, за очень немногими исключениями.

Однимъ словомъ, съ 1848 г. буржуазія, уже издавна господствовавшая въ экономической области, окончательно добилась своего политическаго освобожденія. Но все-таки революція 48-го года, хотя и носившая буржуазный характеръ, отмѣчена первымъ выступленіемъ пролетаріата въ сознательной оппозиціи къ буржуазіи; я имѣю въ виду нѣмецкую лигу коммунистовъ и парижское возстаніе въ іюнѣ того же года. Первое изъ этихъ движеній представляло собой начало социализма; послѣднее, будучи, какъ уже указывалось, по существу сознательнымъ классовымъ движеніемъ, по формѣ и общему характеру являлось, скорѣе, пережиткомъ первоначальнаго возстанія парижскаго пролетаріата во время Великой французской революціи, чѣмъ началомъ новаго движенія

среди французскаго рабочаго класса, несмотря на то, что лозунгомъ его былъ планъ Луи Блана *). Въ самомъ дѣлѣ, въ это время и даже нѣсколько лѣтъ спустя, „научный социализмъ“, какъ мы его понимаемъ теперь, былъ фактически неизвѣстенъ во Франціи, и блестящіе опыты Прудона лишь едва приближались къ чему-то подобному.

Остается сказать нѣсколько словъ о революціонныхъ традиціяхъ во Франціи. Среди рабочаго класса крупныхъ городовъ—особенно Парижа, а также Ліона, Марселя и другихъ, воспоминанія о могуществѣ и значеніи молодого французскаго пролетаріата въ періодъ Великой революціи съ 1792 г. по 1794 г. все еще были живы, проявляясь по временамъ въ не имѣвшихъ какъ будто опредѣленной цѣли возстаніяхъ и загѣмъ, исчезая на время, но не окончательно. Народная партія, воплощавшая въ себѣ эти традиции и воспринимавшая также новыя социалистическія идеи по мѣрѣ ихъ возникновенія, сложилась окончательно въ 48 году и стала известна послѣ этого подъ именемъ красной республиканскій партіи. Названіе это она получила оттого, что во время іюньскаго возстанія красный флагъ принятъ былъ инсургентами, какъ символъ (мнѣ думается, по мысли Луи Блана, когда система національныхъ мастерскихъ была поставлена на очередь), и всюду встрѣчался привѣтственными кликами, какъ знамя сознательнаго пролетаріата и социалистическаго республиканства, въ противуположность трехцвѣтному знамени, символу буржуазнаго или политическаго республиканства. Такого происхожденіе краснаго флага, ставшаго теперь по всему міру признаннымъ знаменемъ современнаго социалистическаго движенія.

Кромѣ активной красной республиканской партіи въ ея популярныхъ вождей, во Франціи всегда были

*) Главное сочиненіе Луи Блана—«Планъ социалистическаго общественного устройства».

люди, посвящавшіе свою жизнь изученію исторіи Великой революціи. Эти люди, естественно, представляли себѣ, что всякая революція должна происходить по ея образцу. Ихъ идеи вліяли на народное движеніе и его вождей, поддерживая и укрѣпляя понятную склонность каждаго француза къ попыткамъ оживить и повторить величавшую эпоху его національной исторіи, общія черты и выдающіяся имена которой хорошо знакомы ему съ дѣтства.

Кромѣ указанныхъ вліяній, имѣло мѣсто также вліяніе Интернаціонала и марксистовъ, старательно занимавшихся пропагандой среди рабочаго класса Парижа и къ той эпохѣ, о которой мы говоримъ, приобрѣвшихъ известное вліяніе.

Изъ этой-го амальгамы *) тенденцій и идей (прудонизма, новоякобинскихъ воспоминаній 48-го года съ недавней примѣсью молодого марксизма) образовался идеологическій базисъ какъ вождей, такъ и рядовыхъ дѣятелей красной французской республиканской партіи 1871 года, когда она учредила парижскую коммуну.

II.

Прологъ.

Ложный вѣншній блескъ и всепроникающая внутренняя гнилость Второй французской имперіи нашли свою Немезиду **). За поражениемъ при Седанѣ послѣдовала революція 4 сентября, нанеся послѣдній прощальный ударъ имперіи и учредившая, по крайней мѣрѣ временно, республику. Нѣмцы немедленно же двинулись на Парижъ, а неспособное и предательское (съ точки зрѣнія его полномочій) „правительство національной обороны“, только что избранное, стало, съ генераломъ Трошю во главѣ, организовывать оборону и сопротивление непріятелю. Члены правительства не вѣрили въ возмож-

ность защитить столицу и были не прочь отъ слачи, но рабочіе и значительная часть мелкой буржуазии хотѣли во что бы то ни стало биться до послѣдней капли крови. Что касается этого пункта, то трудно чувствовать симпатію къ той или другой сторонѣ. Лично мнѣ совершенно непонятенъ энтузіазмъ Лиссагаре по поводу шовинистскаго *) недовѣрія парижскаго населенія, желавшаго пожертвовать тысячами жизней въ болѣе чѣмъ сомнительной попыткѣ отиѣснить „les prussiens“ (пруссаковъ) ради возстановленія померкшей военной славы „de la patrie“ (родины); съ другой стороны, ничѣмъ нельзя извинить Трошю и его приспыхъ, буржуазныхъ политическихъ знаменитостей, принявшихъ неограниченныя полномочія и не только не сдѣлавшихъ все, что было возможно, но явно ведшихъ дѣло къ полному неуспѣху.

20 сентября Парижъ былъ окруженъ и начата 4-хъ-мѣсячная осада. Народное возбужденіе въ городѣ все это время было весьма сильно. Населеніе отказывалось вѣрить въ возможность взятія города, и при всякой неудачѣ на улицахъ происходили угрожающія демонстраціи по адресу безсильнаго временнаго правительства. Дважды чуть не произошла революція—31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. Вопросъ, какъ отразить непріятеля, занималъ всѣ умы, и всѣ требованія парижскаго населенія объ учрежденіи коммуны основывались, главнымъ образомъ, на воспоминанія о поразительныхъ результатахъ, достигнутыхъ при подобныхъ же условіяхъ первой парижской коммуны въ 1792—3 гг. 31 октября городская рагуша, мѣсто засѣданія правительства, была осаждена возбужденной толпой; одна часть ея требовала учрежденія комитета общественнаго спасенія, а другая—революціонной коммуны. Национальная гвардія отказалась придти на помощь правительству.

*) Амагъ ама—соединеніе.

***) Немезида—богиня мщенія у древнихъ грековъ.

*) Шовинизмъ—преувеличенная національная гордость, ложный патріотизмъ.

Члены его были арестованы, а Флурансъ и Бланки, известные народныя вожди, на нѣсколько часовъ овладѣли властью. Но достигнуть чего-нибудь было невозможно. Полная анархія и смѣшеніе языковъ царили въ главныхъ кварталахъ. Наконецъ, къ вечеру реакціонерамъ удалось собрать нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, освободить и возстановить въ ихъ функціяхъ членовъ правительства. Они пустили въ ходъ имена Флуранса и Бланки, чтобы запугать робкихъ и буржуазію. Такимъ образомъ, день закончился фіаско, съ революціонной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, воскреснее правительство вынуждено было объявить амнистію по отношенію ко всѣмъ участникамъ событій, но затѣмъ, нарушивъ всѣ обязательства, приказало арестовать Бланки, который послѣ осады былъ привлеченъ къ суду, а черезъ нѣсколько дней арестовало и посадило въ тюрьму также и Флуранса. Въ результатѣ событій 31 октября въ рукахъ правительства національной обороны власть усилилась и оно, слѣдуя примѣру низложеннаго императора, потребовало плебисцита*) отъ парижскаго населенія, которое высказалось въ его пользу. Послѣ этого безполезныя вылазки продолжались попрежнему.

Наступило Рождество, а потомъ Новый годъ, но защита подвигалась плохо. Наконецъ, 20 января Трошию обратился къ мэрамъ двадцати кварталовъ города и заявилъ, что долѣе выдерживать осады нельзя. Парижане-шовинисты были внѣ себя отъ негодованія при мысли о сдачѣ, но на слѣдующій день мэры были снова собраны и уведомены, что генеральный штабъ рѣшилъ не дѣлать болѣе вылазокъ и что, однимъ словомъ, необходимо тотчасъ же приступить къ переговорамъ съ непріателемъ. Въ ночь на 21-е правительство, послѣ долгаго и горячаго обсужденія положенія вещей, замѣстило генерала Трошию генераломъ Винуа. На слѣдующее утро Флурансъ

оказался на свободѣ, такъ какъ тюрьму, въ которой онъ содержался, разбилъ дружественный ему батальонъ національной гвардіи. Тѣмъ временемъ власти приняли всѣ мѣры противъ грозившаго имъ пролетарскаго возстанія. Но въ полдень 22-го въ Батиньоль и по сюду раздался бой барабановъ, и послѣ полудня городская ратуша была окружена враждебными національными гвардейцами и ожесточенной толпой, требовавшими коммуны. Ратушу защищала стража, отступившая передъ національными гвардейцами; послѣдовала перестрѣлка, длившаяся три четверти часа, въ результатѣ которой оказалось больше 30 убитыхъ; но тутъ подоспѣлъ отрядъ жандармовъ,—инсургенты отступили и были разсѣяны, оставивъ въ рукахъ властей до 12 человекъ плѣнныхъ. Нѣсколько дней спустя городъ формально сдался, условія были подписаны, и 29 января нѣмецкій флагъ уже развѣвался на фортахъ.

Выборы, состоявшіеся вслѣдъ за тѣмъ, въ цѣляхъ ратификаціи*) условій мира, въ провинціяхъ весьма тщательно были проведены реакціонными элементами (хотя Паркъ остался неизмѣнно республиканскимъ) и дали огромное клерикальное**) и монархистское большинство. Это т. наз. „національное собраніе“, не довольствуясь выполненіемъ возложенныхъ на него полномочій по заключенію мира, сразу же открыто стало готовить ниспроверженіе республики. Договоръ въ Бордо установилъ соглашеніе между двумя враждебными роялистскими***) партіями подъ главенствомъ прежняго орлеанистскаго министра Тьера, немедленно же назначеннаго собраніемъ главой исполнительной власти.

Первое, что затѣмъ предстояло предпринять, это—раздѣлаться съ вооруженнымъ населеніемъ, рабочими и мелкими буржуа, въ видѣ отрядовъ національной гвардіи

*) Ратификація—одобреніе.

**) Клерикальный—духовный

***) Роялисть—приверженецъ неограниченной королевской власти.

*) Плебисцитъ—общенародное голосованіе.

разсѣянныхъ по всей странѣ, а, главнымъ образомъ, съ наиболѣе многочисленнымъ изъ нихъ, наиболѣе рѣшительнымъ и, благодаря своему положенію, наиболѣе влиятельнымъ—парижской національной гвардіей. При переговорахъ о сдачѣ Парижа, Жюль Фавръ, въ интересахъ правительства національной обороны, добился сохраненія оружія за парижскими національными гвардейцами. Сдѣлано это было вовсе не изъ симпатіи къ нимъ, но потому, что правительство прекрасно знало, что всякая попытка разоруженія этой пролетарской арміи будетъ встрѣчена сопротивленіемъ, съ которымъ ему нечѣмъ будетъ справиться и которое, весьма вѣроятно, испровергнетъ его и разрушитъ всѣ его планы, особенно условія сдачи, уже и безъ того признаваемые всѣми классами достаточно унижительными. Но лишь только условія мира были окончательно установлены, враждебность собранія къ республиканскому Парижу стала очевидной, какъ и его намѣреніе сокрушить всѣ революціонные элементы, а прежде всего національную гвардію. Народъ съ своей стороны тоже организовался. Городъ съ начала февраля по 18-е марта съ мрачной рѣшимостью стоялъ противъ правительства и національнаго собранія, еще не рѣшавшихся нанести свой послѣдній ударъ—разоруженіе.

III.

18-е марта.

Какъ уже указано въ предыдущей главѣ, собраніе реакціонныхъ буржуа и ископаемыхъ аристократовъ, послѣдно избранное въ началѣ февраля съ единственной цѣлью заключить миръ, едва успѣло собраться въ Бордо, какъ начало оскорблять парижскихъ депутатовъ. Ратификававъ условія мира, оно рѣшило продолжать дѣйствовать въ качествѣ законодательнаго собранія, несмотря на ограниченность данныхъ ему полномочій.

Но это было еще не все. Оскорбленія, наносимыя имъ Парижу, достигли своего крайняго предѣла въ резолюціи собранія, предлагавшей лишить Парижъ роли столицы и перейти вмѣстѣ съ правительствомъ въ Версаль. Это было завершеніемъ всего прочаго. Подтверждались также слухи о предполагаемомъ немедленномъ прекращеніи выдачи рабочимъ жалованья, получаемого ими въ качествѣ національныхъ гвардейцевъ и составившаго важнѣйшій источникъ ихъ существованія, о близкомъ разоруженіи и о немедленномъ же взысканіи съ нихъ всякихъ недимокъ и просроченной платы за квартиры, пріостановленныхъ, было, на время осады.

Въ теченіе февраля Интернаціональ и другіе рабочіе и революціонные союзы дѣйствовали, не покладая рукъ, а негодованіе мелкой буржуазии на поведение правительства національной обороны и ея раздраженіе по поводу отношенія новаго собранія къ Парижу и республикѣ заставляли мелкихъ буржуа оказывать пассивное, если не активное содѣйствіе народному движенію. Устраивались различные массовые митинги, были образованы комитеты и, въ концѣ концовъ, былъ учрежденъ центральный комитетъ національной гвардіи, при чемъ въ него было избрано по три члена отъ cadaго округа. Существовало также и нѣсколько подкомитетовъ, важнѣйшій изъ нихъ монмартрскій, засѣдавшій въ улицѣ des Rosiers и часто по ошибкѣ принимавшійся за центральный комитетъ. Центральный комитетъ состоялъ изъ людей, до того времени совершенно неизвѣстныхъ въ общественной жизни, но избранныхъ за свою неподкупность и практическія способности своими товарищами по округу.

Закрытіе генераломъ Винуа революціонныхъ республиканскихъ газетъ, предательское осужденіе на смерть Флуранса и Бланки за ихъ участіе въ событіяхъ 31 октября, послѣдовавшія 11 марта, въ тотъ самый день, когда стало извѣстно постановленіе собранія сдѣлать столицей Версаль, еще болѣе ожесточили народъ и

укрѣпили его рѣшеніе сопротивляться во что бы то ни стало. Съ этого момента вплоть до 18 марта бря стала надвигаться съ минуты на минуту, но центральный комитетъ, поддержанный Интернаціоналомъ и рабочими организаціями, заявилъ, что начало враждебныхъ дѣйствій должно принадлежать противной сторонѣ.

Въ это время парижское населеніе, принимавшее участіе въ движеніи, слагалось изъ трехъ ясно выраженныхъ элементовъ: 1) патріотовъ, желавшихъ видѣть Парижъ по прежнему преобладающимъ во Франціи; этотъ элементъ опирался на муниципальный совѣтъ, пользовавшійся обширнымъ мѣстнымъ вліяніемъ; 2) преданныхъ республикѣ, желавшихъ охранить ее, какъ таковую, отъ явнаго монархическаго заговора, задуманнаго противъ нея; 3) опредѣленнаго соціалистически-революціоннаго элемента, выразителемъ котораго являлся, главнымъ образомъ, хотя не исключительно, Интернаціональ. Мелкая буржуазія, какъ и вполнѣ понятно, руководилась первыми двумя мотивами; какъ мы увидимъ дальше, по мѣрѣ хода революціи ея соціалистическая цѣль все болѣе и болѣе выступала на первый планъ, пока черезъ 2-3 недѣли не поглотила собою все движеніе. Это обстоятельство необходимо выдвинуть, такъ какъ существуютъ софисты фабіановскаго толка, пытающіеся—въ цѣляхъ затемнить соціалистическій характеръ коммуны—преувеличить значеніе первыхъ двухъ элементовъ, игравшихъ извѣстную роль при возникновеніи ея. Эти господа относятся къ тому же типу любителей новостей, которые просвѣщаютъ общество по поводу истиннаго значенія соціализма, разъясняя, что онъ сводится, въ сущности, лишь къ устройству такихъ учреждений, какъ, на примѣръ, главное почтовое учрежденіе, только въ большемъ масштабѣ. Тьеръ и его министры, члены правительства національной обороны, явились въ Парижъ 15 марта и тотчасъ же предприняли мѣры къ ра.оруженію народныхъ силъ

въ столицѣ. Въ своемъ планѣ они въ громадной степени разсчитывали на легковѣріе или глупость парижанъ. Въ распоряженіи правительства было самое большее 25 тысячъ достаточно деморализованныхъ *) и мало надежныхъ гойскъ, между тѣмъ, какъ національная гвардія насчитывала до 100 тысячъ человекъ, и хотя нѣсколько батальоновъ можно было надѣяться привлечь на сторону правительства, они представляли собой все-таки слишкомъ незначительную величину по сравненію съ гвардіей, вѣрной центральному комитету. При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ Тьеръ, какъ говорятъ, подъ давленіемъ крупныхъ биржевикомъ, рѣшилъ начать операціи. Прежде всего надо было захватить пушки; и вотъ 17 марта былъ отданъ тайный приказъ удалить 250 пушекъ изъ Монмартра **). Это было выполнено въ три часа утра 18 марта двумя-тремя бригадами регулярной арміи почти безъ всякаго сопротивленія со стороны народа.

Но хотя пушки были захвачены, пока народъ спалъ, правительство въ роковой неосмотрительности упустило изъ виду приготовить средства, необходимыя для ихъ перевозки, а тѣмъ временемъ Монмартръ проснулся и сразу понялъ положеніе вещей. На стѣнахъ появилась афиша съ многозначительнымъ и зловѣщимъ словомъ „порядокъ“, какъ извѣстно почти всегда предвѣщающимъ кровопролитіе. Прежде всего, какъ говорятъ, двинулись женщины; онѣ окружили орудія и обратились съ увѣщаніями къ солдатамъ, которые стали колебаться. Между тѣмъ, барабаны забили сборъ по всему кварталу, и со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться національные гвардейцы. Отсталые изъ „регулярныхъ“ присоединились къ нимъ, и вся эта масса дошла до Монмартра, охраняемаго бригадой генерала Леконта. Часть его авангарда готова была присоединиться къ національнымъ гвардей-

*) Д морали ація—развращеніе нравовъ.

***) Монмартръ—самая возвышенная часть Парижа.

пачь. Леконтъ, видя это, приказалъ арестовать ихъ, грозно замѣтивъ: „вы свое получите“. Регулярныя войска и гвардейцы обмѣняли въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ, не причинившими особаго вреда, но въ эту минуту изъ сосѣдней улицы des Rosiers появился съ поднятыми прикладами отрядъ національныхъ гвардейцевъ, окруженныхъ женщинами и дѣтьми. Леконтъ трижды командовалъ стрѣлять, но его солдаты стояли неподвижно. Толпа двинулась впередъ, и ея ряды пополнялись солдатами, которые схватили генерала и офицеровъ. Арестованные передъ тѣмъ солдаты хотѣли быю тотчасъ разстрѣлять Леконта, но національные гвардейцы отстояли его и, взявъ съ собою въ главный штабъ національной гвардіи, заставили тамъ подписать приказъ войскамъ объ очищеніи позицій.

Подобные же инциденты произошли и съ другими бригадами. Возстаніе почти не встрѣчало сопротивленія. Солдаты со всѣхъ сторонъ присоединялись къ народу. Черезъ три часа, т.-е. часамъ къ 11 утра, все было кончено, почти всѣ орудія взяты обратно, почти всѣ багазоны національной гвардіи были на ногахъ, подкрепленные значительнымъ числомъ регулярныхъ солдатъ,—однимъ словомъ, поле битвы осталось за инсургентами. Правительство, несмотря на прокламаціи и убѣжденія, ничего не могло сдѣлать; за него было всего лишь нѣсколько сотъ человѣкъ.

Тьеръ, видя, что весь Парижъ противъ него, становилъ на немедленномъ оставленіи города и южныхъ фортовъ правительствомъ и войскамъ. Самъ онъ черезъ заднюю дверь ускользнулъ изъ городской ратуши и пробрался въ Версаль. Возстаніе, слѣдующее замѣтить, было въ это время чисто самопроизвольнымъ народнымъ движеніемъ. Центральный комитетъ собрался въ этотъ день сравнительно поздно. И вотъ этотъ-то недостатокъ подготовленности и организациі имѣлъ свои невыгоды, несмотря на успѣхъ,

Въ половинѣ четвертаго былъ арестованъ генералъ Клеманъ Тома, принимавшій участіе въ избиеніи инсургентовъ въ 48-мъ году. Многие хотѣли избавить его отъ не еденной казни, крича: „подождите комитета!“ „учредите военный судъ!“, но безуспѣшно. Его при-слонили къ стѣнѣ въ улицѣ des Rosiers и разстрѣляли изъ 20 шапо *). Хотя человѣкъ этотъ, несомнѣнно, заслуживалъ такой участи, все-таки жаль, что формальности суда не были соблюдены. Такое соображеніе, однако, непримѣнимо къ генералу Леконту, взятому утромъ на мѣстѣ преступленія, когда онъ приказывалъ стрѣлять въ народъ. Этотъ трусъ, когда двери комнаты, гдѣ онъ былъ заключенъ, были взломаны ожесточенной толпой, упалъ на колѣни, сталъ говорить о своей семьѣ и умолять о пощадѣ. А много ли онъ самъ думалъ объ отцахъ семействъ, чуть было не ставшихъ жертвами Молоху **) „порядка“, когда онъ приказывалъ солдатамъ стрѣлять утромъ? Его вывели на улицу и казнили. Конечно, буржуазныя газеты громко возопили по поводу смерти этихъ двухъ бандитовъ.

Тѣмъ временемъ центральный комитетъ и штабъ національной гвардіи начали принимать мѣры къ занятію прѣвѣствующихъ учрежденій и главныхъ стратегическихъ позицій. Вечеромъ удалился изъ Парижа вельдь за Тьеромъ Жюль Ферри, а за нимъ Жюль Фавръ. Поздно ночью генералу Винуа удалось вывести свои войска съ багажемъ и аммуниціей изъ парижскихъ казармъ. Версаль былъ сборнымъ пунктомъ. То было первой ошибкой возстанія, что оно позволило ускользнуть изъ его рукъ правительство и войскамъ. Произошло же это отъ недостатка дисциплины, подготовленности и организациі. А, между тѣмъ, ничего не могло быть легче, если бы комитетъ дѣйствовалъ быстро,

*) Шапо—ружье, заряжающееся съ казенной части, изобрѣтенное III сно.

**) Молохъ—у хананейцевъ богъ войны и огня, олицетворявшій губительное мрачное начало.

заперъ бы всѣ ворота арестовалъ правительственные власти, военныя и гражданскія, впредь до суда надъ ними. Тогда „маленькій человекъ“. Тьеръ, и всѣ остальные оказались бы въ его власти. Все это доказываетъ, что хотя народный взрывъ можетъ произвести революцію, но безъ организаціи она приводитъ лишь къ путаницѣ.

IV

Центральный комитетъ и реакція.

19 марта красный флагъ развѣвался уже надъ городской ратушей и надъ общественными городскими зданіями. Революція торжествовала, но уже сдѣлала первую ошибку, позволивъ правительству ускользнуть съ остатками арміи. Центральный комитетъ стоялъ во главѣ, но былъ оглушенъ своимъ внезапнымъ возвышеніемъ къ неограниченной власти. Лишь двое его членовъ сохранили достаточно присутствія духа, чтобы предложить единственное средство исправить вчерашнюю ошибку, а именно—пойти на Версаль, фактически беззащитный въ то время, разсѣять національное собраніе и арестовать вождей реакціи. Но другіе члены хотѣли стоять на почвѣ законности. Тѣмъ временемъ очищеніе правительственныхъ учреждений и переправка въ Версаль войскъ продолжались. Но комитетъ (къ чести его, въ извѣстномъ смыслѣ) слишкомъ торопился отказаться отъ своихъ полномочій и приступить къ выборамъ коммуны, чтобы думать о закрытіи воротъ или о чемъ-нибудь подобномъ. Въ дѣлахъ легализаціи *) положенія вещей и примиренія революціи съ остальной Франціей, рѣшено было попытаться устроить соглашеніе парижскихъ депутатовъ и мэровъ, въ союзъ съ которыми комитетъ хотѣлъ назначить выборы.

Тьеръ и его компанія поставили послѣднюю карту и въ послѣднемъ выпущенномъ ими номерѣ „Официальнаго Журнала“ обиняли комитетъ въ хладнокровномъ

*) Легализація—узаконеніе.

„убійствѣ“ генераловъ Леконта и Клеманъ-Тома и спрашивали, неужели національная гвардія возьметъ на себя отвѣтственность за эти „убійства“. Комитетъ, къ чести его, не позволилъ себѣ огрекаться отъ этихъ справедливыхъ, хотя и нѣсколько поспѣшныхъ актовъ народнаго правосудія; онъ ограничился помѣщеніемъ въ слѣдующемъ номерѣ „Официальнаго Журнала“ (перешедшаго съ этого дня въ его руки) замѣтки съ объясненіемъ своего истиннаго отношенія къ событіямъ. Призывъ правительства произвелъ мало впечатлѣнія на національную гвардію, хотя имѣлъ своимъ результатомъ отпаденіе отъ революціи Латинскаго квартала (студентовъ), до тѣхъ поръ принимавшаго горячее участіе во всѣхъ революціяхъ; такимъ образомъ, буржуазный характеръ его сталъ вполне ясенъ.

Делегація мэровъ, явившаяся въ городскую ратушу, послѣ долгихъ дебатовъ все-таки почти ничего не достигла. Клемансо, ея ораторъ, убѣждалъ комитетъ отказаться отъ своихъ функций въ пользу депутатовъ и мэровъ, которые употребятъ, молъ, всѣ усилія, чтобы требованія Парижа были удовлетворены собраніемъ. Барлэнъ, одинъ изъ членовъ комитета, разъяснилъ, что гещеръ требуется не простой муниципалитетъ, но автономія *) Парижа, съ исполнительной и законодательной властью; соединеннаго съ остальной Франціей однимъ лишь узами федерализма **). Но даже такіе хорошіе социалисты, какъ Милльеръ и Малонъ, сомнѣвались цѣлесообразности инициативы комитета. Наконецъ, рѣшено было, что комитетъ, въ свою очередь, отправитъ 4 делегатовъ къ радикальнымъ депутатамъ и мэрамъ, собравшимся въ залѣ для засѣданій 2-го округа. Такъ и было сдѣлано; но послѣ долгихъ препирательствъ, во время которыхъ Луи Бланъ, Клемансо и другіе ради-

*) Автономія—самоуправленіе.

**) Федерация — политическая система, по которой государство должно состоять изъ союза независимыхъ областей.

калы, къ стыду ихъ, третировали комитетъ какъ бунтовщиковъ, отказываясь вести съ нимъ переговоры, какъ съ равнымъ, соглашенія не состоялось, и комитетскіе делегаты ушли. На слѣдующее утро мэры сдѣлали послѣднюю попытку взять въ свои руки зданіе городской ратуши и послали одного изъ своихъ членовъ просить ее у комитета. Онъ отказалъ очистить ратушу и сложить съ себя обязанности, пока не будетъ избрана коммуна, и тотчасъ же выпустилъ прокламацію, назначившую выборы на слѣдующій четвергъ, 22-го. Было слишкомъ ужь очевидно, что уступить депутатамъ—значило отдать себя въ полное распоряженіе Тьера и національнаго собранія.

Слѣдующей задачей комитета было реорганизовать общественныя учрежденія, намѣренно приведенныя въ возможно большій беспорядокъ правительствомъ передъ его уходомъ въ Версаль. Правительство рассчитывало, что такимъ путемъ оно сдѣлаетъ для своихъ преемниковъ невозможнымъ управленіе громаднымъ городомъ. Но новички усердно принялись за работу и преодолѣли всѣ препятствія этого рода. Между тѣмъ, комитетъ, не понимая, что ему предстоитъ борьба не на жизнь, а на смерть, сдѣлалъ еще ошибку военнаго характера, фактически рѣшившую судьбу революціи. Между Парижемъ и Версалемъ, на холмѣ пемножко вправо, расположенъ самый крупный и наиболѣе важный въ стратегическомъ отношеніи фортъ Mont Valérien. Онъ былъ покинутъ по приказанію Тьера, во время его бѣгства; какъ не-военный, Тьеръ не думалъ, что фортъ этотъ стоитъ удержать. А, между тѣмъ, онъ былъ ключемъ ко всѣмъ позиціямъ. Въ теченіе 36 часовъ онъ оставался пустымъ; а комитетъ, вмѣсто того, чтобы помѣстить туда тотчасъ же сильный гарнизонъ, считалъ это дѣломъ второстепенной важности и удовольствовался неопредѣленными и ложными (какъ показали событія) увѣреніями о его занятіи со стороны полупомѣшаннаго

офицера Люлье, который, благодаря своему хвастливому нахальству, получилъ временное командованіе всѣми фортами. Версальскій же военный штабъ оказался болѣе предусмотрительнымъ и добился отъ Тьера приказа о занятіи Mont Valérien, такъ что утромъ 20-го фортъ этотъ оказался хорошо укрѣпленнымъ и въ рукахъ 1.000 версальскихъ солдатъ.

21-го центральный комитетъ прекратилъ продажу заложенныхъ имуществъ, запретилъ домохозяевамъ выселять квартирантовъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій и продлилъ законы о поручительствѣ (vouchers bills) на мѣсяць. Въ тотъ же день радикальные депутаты и мэры заявили протестъ противъ назначенныхъ на слѣдующій день выборовъ, какъ незаконныхъ, ложно утверждая, что національное собраніе гарантировало сохраненіе національной гвардіи, скорые муниципальные выборы и т. д. Вся печать и всѣ „респектабельные“ элементы Парижа хоромъ присоединились къ этимъ доносамъ на незаконность выборовъ и на дѣйствія комитета. Толпа напыщенныхъ и щегольски одѣтыхъ проходивцевъ прошла по площади Биржи съ криками: „Долой комитетъ!“ „Да здравствуетъ національное собраніе!“ Враждебность нѣкоторыхъ участковъ была настолько велика, что выборы пришлось отложить до слѣдующаго дня.

Между тѣмъ, Версаль, прибывшее туда національное собраніе и всѣ его приверженцы находились въ состояніи унижительной паники. Изъ разныхъ городовъ департаментовъ приходили извѣстія о возстаніяхъ, каждую минуту можно было опасаться наступленія батальоновъ національной гвардіи. Жюль Фавръ произнесъ въ палатѣ рѣчь, клевета въ отборныхъ выраженіяхъ на возстаніе и раздражаясь угр зами по адресу Парижа; рѣчь эту перепуганная клика реакціонеровъ привѣтствовала бурей аплодисментовъ, чуть не бросившись на шею оратору въ порывѣ энтузіазма.

На слѣдующій день упомянутый проходимецъ въ черномъ сюртукѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими журналистами и адмираломъ Сюисси, отправились, спрятавъ оружіе подъ платьемъ, къ Вандомской площади, съ цѣлью подъ предлогомъ мирной демонстраціи прогнать съ этой позиціи національныхъ гвардейцевъ. Выслѣдивъ двухъ часовыхъ національной гвардіи, они набросились на нихъ и чуть не убили. При видѣ этого, около 200 гвардейцевъ тотчасъ же заняли позицію вблизи улицы de la Paris. Они были встрѣчены дикими криками, а передъ ихъ глазами замелькали вынутые изъ палокъ клинки. Бержере, командиръ національныхъ гвардейцевъ, нѣсколько разъ просилъ буяновъ разойтись, но безуспѣшно. Видя, что національные гвардейцы не склонны дѣйствовать силой, буяны сгали смѣлѣе и, выхвативъ револьверы, убили двухъ гвардейцевъ и семерыхъ ранили. Гвардейцы тогда дали залпъ, послѣ котораго на улицѣ осталось человѣкъ 12 убитыхъ и масса револьверовъ, палокъ съ клинками и шляпъ. Толпа съ криками разсѣялась. Конечно, буржуазная пресса, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы очернить движеніе, всюду раздула этотъ инцидентъ. Не похожи ли эти журналисты на знаменитаго спеціального констабля *) изъ Понча, который говорилъ чартисту **): „если я васъ убью, это пустяки; но если вы убьете меня—клянусь Георгіемъ!—это убійство“.

V.

Выборы въ коммуну.

Несмотря на упомянутый въ предыдущей главѣ союзъ буржуазіи и реакционныхъ городскихъ кварталовъ, „порядку“ все-таки невозможно было найти въ

*) Констабль—звание высшихъ государственныхъ сановниковъ въ старой Англіи.

***) Чартизмъ—движеніе, имѣющее цѣлью добиться для рабочихъ политичекихъ правъ и улучшенія ихъ соціально-экономическаго положенія

городѣ прочной опоры и почвы. Черезъ два или три дня „лояльные“ *) національные гвардейцы, готовые сдѣлать чудеса для національнаго собранія, какъ-то ступевались и исчезли. Комитетъ послалъ батальоны національной гвардіи во всѣ реакціонные кварталы, и скоро спокойствіе, если не „порядокъ“, было возстановлено въ Парижѣ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ два члена комитета, Варлэнъ и Журдъ, получили черезъ Ротшильда 2 милліона франковъ изъ французскаго банка (Banque de France). Сумма эга теперь пришла къ концу, потраченная на организацію общественныхъ учреждений и жалованье національной гвардіи. Комитетъ снова послалъ Варлэна и Журда въ банкъ, но на этотъ разъ они были встрѣчены оскорбленіями, и, чтобы добиться выдачи денегъ, пришлось прибѣгнуть къ убѣжденіямъ болѣе осязательнаго свойства, въ видѣ выставленныхъ передъ банкомъ двухъ батальоновъ національныхъ гвардейцевъ. Вопросъ о банкѣ былъ рѣшающимъ вопросомъ. Отношеніе къ нему со стороны комитета, а нѣсколько дней спустя—и самой коммуны, шедшей по его же стопамъ, показывало дѣтское неумѣнье воспользоваться положеніемъ и было третьей роковой ошибкой революціи. Въ банкѣ было достаточно средствъ и въ звонкой монетѣ, и въ процентныхъ бумагахъ, чтобы купить всю версальскую армію. Кромѣ того, въ немъ имѣлось еще 90 тысячъ документовъ вкладчиковъ, которые могли бы послужить залогомъ добропорядочнаго поведенія правительства, какъ представителя средняго класса всей Франціи. Комитетъ, а впослѣдствіи коммуна, вмѣсто того, чтобы захватить банкъ въ свои руки, позволилъ управленію банка остаться со всѣми его служащими, исключивъ лишь главнаго управляющаго, который бѣжалъ. И вотъ отъ времени до времени члены

*) Лояльный—вѣрноподданнический.

комитета. или коммуны, со шляпой въ рукахъ являлись туда почтительно просить нужны имъ суммы. Помощнику управляющаго путемъ дипломатин удалось выдвинуть одного стараго господина, по имени Белэ (Bellay), который, будучи просто радикальнымъ буржуа, имѣлъ храбрость остаться въ Парижѣ; господинъ этотъ, несмотря на свою личную порядочность, отличался всѣми предразсудками своего класса, разъ дѣло касалось денежныхъ вопросовъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ избранъ посредникомъ между банкомъ и революціей. Но вернемся къ мартовскимъ днямъ. Мэры приложили всѣ свои усилія, чтобы еще отложить выборы. Послѣ двухъ отсрочекъ они были однако назначены комитетомъ на 26 марта, въ воскресенье. Тѣмъ временемъ оскорбленія, нанесенныя Парижу со стороны собрания, и занятое имъ положеніе возмутили даже умѣренныхъ республиканцевъ, и мэры проявили склонность къ компромиссу*), предлагая назначить выборы 30-го. Но комитетъ твердо стоялъ на 26-мъ, и вотъ 5 мэровъ, въ числѣ ихъ Клемансо и Флоке, наводя дальнѣйшее сопротивленіе бесполезнымъ, съ неохотой подписали манифестъ о выборахъ. Остальные мэры не протестовали, хотя и держались упорно въ сторонѣ. Цисоединеніе мэровъ, каково бы оно ни было, придавало выборамъ характеръ законности.

Въ воскресенье 287 тысячъ человекъ явились къ избирательнымъ урнамъ, и парижская коммуна была избрана и провозглашена при общей радости. Въ понедѣльникъ національная гвардія и гражданскіе избиратели собрались на площади городской ратуши, чтобы привѣтствовать новыхъ представителей Парижа.

Пулечные салюты, звуки марсельезы и полные энтузіазма крики сливались вмѣстѣ. Версальскіе шпіоны заявили, что весь Парижъ зараженъ крамолой. Члены

*; Компромиссъ — примиреніе, приспособленіе къ обстоятельствамъ.

новой коммуны безконечное число разъ почтительно на балконѣ городской ратуши въ отвѣтъ на олушительные крики, требовавшіе ихъ. (Среди избранныхъ большинство были революціонеры и даже социалисты, хотя имѣлось также небольшое количество либеральныхъ и радикальныхъ буржуа; но э и послѣдніе нашли скоро предъ собою выйти изъ состава коммуны, дѣятельностью которой не могли руководить такъ, какъ бы имъ хотѣлось. На первомъ собраніи коммуны уже упомянутый выше благожелательный буржуа Белэ, въ виду его старшинства, былъ избранъ президентомъ и, надо отдать ему справедливость, произнесъ совсѣмъ недурную вступительную рѣчь. На слѣдующій день коммуна занялась избраніемъ комитетовъ, или комиссій. Главной была комиссія исполнительная, въ составъ которой вошли Лефрансэ, Дюваль, Феликсъ Па (дѣтель 48-го года, обязанный своей репутацией умѣнью говорить и писать), Бержере, Тридонъ, Эдъ и Вальянъ (бланкистъ, затѣмъ членъ палаты депутатовъ). Другія комиссіи были — финансовая (члены Варлэпъ и Журдъ), юстиціи и общественной безопасности, продовольственной, труда и обшана, иностранной политики, общественныхъ работъ и народнаго образованія. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій коммуны была полная отмѣна арендной платы (rent) съ октября 1870 г. по іюль 1871 г. Такимъ образомъ, много бѣднаго люда освободилось отъ грозившихъ ему долговъ, съ которыми онъ не могъ расплатиться безъ раззоренія. Все это было весьма кстати, но коммуна упустила изъ виду выполнить двѣ обязанности, налагавшіяся на нее по оженіемъ вещей, а именно: во-первыхъ, выпустить ясный и понятный для всѣхъ манифестъ съ изложеніемъ своей программы и плана дѣйствій; второе и еще болѣе серьезное упущеніе заключалось въ томъ, что она не вступила въ сношеніе съ провинціями, и посредственно послѣ 18 марта проявившими явную симпатію къ Парижу. Лионъ, Марсель,

Ст.-Этьеннъ, Нарбонна, Тулуза и другіе города учредили у себя коммуны, при чемъ Марсель и Нарбонна даже съ значительнымъ успѣхомъ. Но они не получили не только поддержки, но даже сообщеній изъ главнаго центра движенія. Въ результатѣ, изолированныя мажоритарно и нравственно, они скоро погибли. Марсель и Нарбонна держались дольше всѣхъ, но все же недѣли черезъ двѣ коммунистическое движеніе въ провинціи замерло. Тьеръ и его версальцы, по прежнему предубежденныя, приложили всѣ усилія, чтобы оттолкнуть симпатіи провинціи отъ Парижа, и разослали циркуляры всѣмъ префектамъ, нося Парижъ и революцію, перетолковывая каждый фактъ и изобрѣтая всяческую ложь.

Искоренивъ коммуны въ провинціи, Тьеръ рѣшилъ прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Парижъ и прервать всѣ его почтовые сообщенія. Рампонъ, начальникъ почты, получилъ приказъ нарушить соглашеніе, въ которое онъ вступилъ съ Тинемъ, делегатомъ комитета, и разстроить всю почтовую организацію. Несобразительный комитетъ и коммуна, до послѣдней минуты рассчитывая, что дѣло окончится мирно, не предпринимали никакихъ шаговъ въ виду случайностей войны. Между тѣмъ, собраніе настойчиво работало надъ тѣмъ, чтобы изолировать Парижъ и сплотить свою армію, подкрѣпленную нѣсколькими полками освобожденныхъ Германіей военнопленныхъ. Къ концу марта всѣ „умѣренныя“ члены коммуны вышли изъ нея, за исключеніемъ стараго Белэ. Международный характеръ движенія былъ подчеркнутъ единодушнымъ утвержденіемъ выборовъ Франкеля, австрійца, избраннаго 13-мъ округомъ. Тѣмъ временемъ „респектабельное“ населеніе, друзья „порядка“, массами уходили въ Версаль.

VI.

Неудачное для коммуны начало войны.

1 апрѣля Тьеръ въ циркулярѣ префектамъ официально объявилъ войну и въ тотъ же день, безъ предупрежденія, версальцы открыли огонь по Парижу. Парижане были поражены возобновленіемъ осады. Никто не думалъ, что дѣло приметъ такой оборотъ. Всюду въ городѣ царилъ страхъ и смятеніе. Военная коммиссія коммуны расклеила слѣдующее объявленіе: „роялистскіе заговорщики напали на насъ, несмотря на нашъ умѣренный образъ дѣйствій. Теперь нашъ долгъ—защитить городъ отъ нашествія узурпаторовъ“*). Но въ этотъ день сдѣлано было очень мало. Версальцы атаковали и отгнѣснили недостаточный гарнизонъ національныхъ гвардейцевъ въ Курбеуа, захватили пять пленныхъ, въ томъ числѣ 15-тилѣтняго мальчика, и всѣхъ ихъ разстрѣляли. То было началомъ цѣлаго ряда жестокостей, совершенныхъ версальцами и закончившихся самой страшнѣйшей въ новѣйшей исторіи трагедіей, кровавой недѣлей.

Послѣ долгихъ споровъ военныя власти коммуны рѣшили устроить на слѣдующій день вылазку. Ночью въ Клузере былъ назначенъ военнымъ делегатомъ, вмѣстѣ съ Эдомъ. Національная гвардія, призванная внезапно къ дѣйствию, оказалась сильно дезорганизованной, часто даже безъ офицеровъ, въ результатѣ чего получилось много путаницы и беспорядка. Наконецъ, къ полудню три колонны были собраны. Планъ заключался въ томъ, чтобы произвести энергичную демонстрацію въ направленіи Реля (Reuil), чтобы замаскировать на правомъ флангѣ дѣйствія колонны подъ начальствомъ Бержера и Флуанса, между тѣмъ какъ Эдъ и Дюваль должны были командовать колоннами въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Къ несчастью, всѣ эти отличные люди еще

*) Узурпація — захватъ чего-либо, не принадлежащаго по праву власти.

ни разу въ жъ зви не командовали батальонами въ полѣ, не говоря уже о томъ, что низшее офицерство было безнадежно плохо. Не было самыхъ необходимыхъ походныхъ вещей; артиллерія, перевязочные пункты, транспорты съ аммуницией были всюду, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ слѣдовало находиться. Около 3 часовъ утра 3-го апрѣля колонна Бержере, силой въ 10.000 человекъ, но всего лишь съ 8-ю орудіями, достигла мѣста въ Нельи. Они спокойно шли своей дорогой подъ стѣнами Mont Valérien, въ полной увѣренности, что форты въ рукахъ коммуны, какъ вдругъ изъ крѣпости посыпались гранаты, съя смерть и смятеніе въ рядахъ гвардейцевъ и разбивъ колонну на двѣ половины. Паника, смятеніе, крики—„измѣна!“

Я хорошо помню мое удивленіе по поводу безразсудной увѣренности федералистовъ въ томъ, что Mont Valérien за коммуной, такъ какъ даже въ англійскихъ газетахъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ было помѣщено сообщеніе о занятіи этого пункта версальцами. Казалось невѣроятнымъ, чтобы то, что стало известнымъ у насъ, оставалось невѣдомымъ на мѣстѣ для лицъ заинтересованныхъ. Но дѣло-то въ томъ, что вожди коммуны знали фактъ утраты Mont Valérien для коммуны, но скрывали его, рассчитывая, что линейныя войска не станутъ стрѣлять. Воспоминанія о братаньѣ солдатъ съ инсургентами 18 марта, сообщенія о ненадежности войскъ собранія, подрѣзанныхъ прибывшими изъ плѣна полками, ввели ихъ въ заблужденіе. Но они забыли, что для этого важнаго форта военный штабъ Тьера особо подобралъ людей, они забыли далѣе, что нарушеніе дисциплины внутри крѣпости совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ нарушеніе дисциплины на улицѣ подъ моральнымъ давленіемъ сочувствующей толпы, готовой укрыть послушавшихся солдатъ отъ ихъ офицеровъ. Это заблужденіе, какими бы благами ни были его намѣренія, являлось, по меньшей мѣрѣ, преступнымъ при

тогдашнихъ обстоятельствахъ. Большинство гвардейцевъ разсѣялось: о разнымъ направленіямъ и, наконецъ, вернулось обратно въ Парижъ, и лишь около 1.200 чел. остался съ Бержере и продолжали двигаться впередъ. Ихъ подкрѣпилъ Флурансъ, который всего съ 1.000 человекъ (остальные тоже разбѣжались—такова была дисциплина) разбилъ версальскій авангардъ и занялъ деревню Буживаль. Вся версальская армія была направлена противъ этого отряда, и парижскому авангарду надо было отойти къ Релю, гдѣ лишь немногіе занимали позиціи, съ цѣлью прикрыть отступленіе Бержере. Здѣсь Флурансъ былъ захваченъ врасплохъ со своимъ штабомъ, и этотъ благородный народный герой былъ убитъ. Бѣдный Флурансъ представлялъ собою типъ революціонера, какіе теперь встрѣчаются рѣдко. Конечно, многіе теперь понимаютъ экономическіе вопросы безконечно лучше Флуранса, но ни у одного, насколько мы знаемъ, нѣтъ той старинной рыцарской преданности революціи, какой обладалъ этотъ замѣчательный человекъ и которая дѣлала его столь дорогимъ для впечатлительныхъ парижскихъ рабочихъ. Флурансъ принадлежалъ къ зажиточной буржуазной семьѣ, но пылкая натура еще въ ранней юности толкнула его присоединиться къ возстанію противъ турокъ въ Левантѣ. Во вторую половину Второй имперіи онъ вмѣстѣ съ Ромфоромъ былъ самымъ выдающимся народнымъ агитаторомъ. Его преждевременная смерть огорчила весь Парижъ и еще усилила тяжесть пораженія.

Центральная колонна Эла имѣла успѣхъ: не больше, чѣмъ остальные. Дюваю, по недоразумѣнію, не было оказано поддержки, и онъ принужденъ былъ сдать. По приказанію генерала Вилуа онъ былъ убитъ. Обезкураженные толпы гвардейцевъ явились вечеромъ въ Парижъ. Единственное достойное вниманія съ военной точки зрѣнія дѣло за весь этотъ день заключалось въ томъ, что, благодаря энергіи и сообразительности

Рапье, фортъ Исси былъ снабженъ орудіями. Впрочемъ, несмотря на все, поражение 3-го апрѣля имѣло и хорошія послѣдствія, заставивъ проявиться всю скрытую силу національныхъ гвардейцевъ. На слѣдующій день всѣ форты были заняты. Коммуна даже приобрѣла нѣсколько пунктовъ, снова занявъ дня черезъ два Курбева и удержавъ мостъ Нелли, хотя и не надолго. Въ героизмъ недостатка не было. Портъ Мальо держался въ еченіе нѣсколькихъ дней подъ огнемъ форта Mont Valérien. Но для знатока военного дѣла все-таки было ясно, что положеніе сводится къ продолжительной смертной агоніи для Парижа. Съ потерей Mont Valérien не оставалось никакой надежды. Черезъ нѣсколько дней коммуны всюду приходилось лишь обороняться. Между тѣмъ, версальцы тщательно позаботились о томъ, чтобы въ Версаль не проявилось никакой наклонности сочувствія Парижу. Офицеры, выражавшіе сожалѣніе по поводу братоубійственной войны, тайно убивались по приказанію негодяевъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ „респектабельные“ классы Европы.

6 апрѣля происходили похороны убитыхъ во время несчастной вылазки 3-го апрѣля. Зрѣлище было внушительное. 200 тысячъ человекъ провожали катафалкъ на кладбище Pere la Chaise. Представителями отъ коммуны были 5 человекъ, во главѣ съ Делеклюзомъ, старымъ героемъ 48-го года.

У могилы престарѣлый человекъ, отецъ революціи, произнесъ нѣсколько словъ, послѣ чего толпа разошлась. Начиная съ этого времени, исторія коммуны представляетъ собою, главнымъ образомъ, исторію военныхъ ошибокъ и военной неспособности, при достаточномъ количествѣ отваги и добрыхъ намѣреній. Но мы лишь коротко коснемся чисто военной стороны движенія, какъ имѣющей лишь мѣстный и временный интересъ, да къ тому же и малоопытной безъ большой карты Парижа и его окрестностей.

По поводу различныхъ вопросовъ.

Теперь Кюзере вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей военнаго делегата. Имя его уже было извѣстно англичанамъ въ связи съ атакой феніями *) Честерскаго замка въ 1867 г. Многие изъ активныхъ участниковъ коммуны считали его и неискреннимъ и неспособнымъ. Второе обвиненіе оправдалось, а относительно перваго я не могу сказать ничего опредѣленнаго. Можно было избрать одинъ изъ двухъ возможныхъ плановъ защиты: защиту при помощи внѣшней линіи обороны съ ея фортами, редутами и т. д., требовавшую больше людей, больше средствъ и больше военной опытности, чѣмъ имѣла въ своемъ распоряженіи коммуна, и защиту внутренней линіи обороны, при которой, въ случаѣ умѣлаго веденія дѣла, Парижъ фактически былъ бы неприступенъ. Кюзере и коммуна не остановились ни на одномъ изъ этихъ плановъ, но колебались между обоими, парализуя результаты того и другого.

Подлѣя убійства Флуранса и Дюваля раздражили всѣхъ. Въ уваженіе къ общественному мнѣнію, коммуна приказала задержать заложниковъ согласно съ общепризнанной практикой войны. Къ несчастью, лучшимъ заложникамъ удалось ускользнуть въ самомъ началѣ движенія. Впрочемъ, все-таки были задержаны: Дарбуа, архіепископъ парижскій, Лагардь, его викарій, Дюгерри, священникъ церкви св. Мадлены, Бонжанъ, президентъ апелляціоннаго суда, Жекеръ, финансистъ и политикъ, отвѣтственный за Мексиканскую экспедицію, и нѣсколько іезуитовъ. Затѣмъ изданъ былъ декретъ и прокламація съ угрозами репрессалій **)

*) Феніи—основан. въ 1863 г., въ Америкѣ тайный револ. союзъ ирландцевъ съ цѣлью освобожденія отъ англійск. зависимости.

**) Репрессалии—мѣры строгости.

въ случаѣ дальнѣйшихъ убійствъ со стороны версальцевъ. Но декретъ остался мертвой буквой. Версальцы продолжали свои хладнокровныя убійства пѣнниковъ, а коммуна не дѣлала никакихъ репрессалій. Предполагая посвятить цѣлую главу вопросу о заложникахъ, сейчасъ я ничего о нихъ говорить не буду.

Роковая неспособность и слабость коммуны теперь впервые ясно проявилась какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Начиная съ перваго же ея засѣданія, стало все болѣе выясняться, что она не имѣла высшаго своего положенія. За исключеніемъ 2-3 сраженій о неважныхъ декретовъ, въ теченіе двухъ недѣль не было замѣтно никакой творческой и созидательной работы съ ея стороны.

Тѣмъ временемъ на нѣкоторыхъ внѣшнихъ позиціяхъ войска коммуны проявляли огромный героизмъ. Портъ-Мальо, позиція, подвергавшаяся всецѣло огню съ Mont Valérien, продержалась 7 недѣль, благодаря послѣдовательной смѣнѣ людей. Тутъ-то появился на сценѣ полякъ Домбровский, это чудо самоотверженной неустрашимости. Человѣкъ этотъ, благодаря своему спокойному безстрашию и бистательному мужеству, съ ничтожными средствами творилъ что то невѣроятное. Онъ выбилъ версальцевъ изъ Анбера, между тѣмъ какъ его столь же отважный братъ взялъ замокъ Вёсон и разбилъ войска Винуа, когда они вновь пытались захватить его.

Но эти отдѣльныя блестящія минутнаго успѣха не могли оказать никакого существеннаго вліянія на положеніе вещей.

Тѣмъ временемъ разговоры о примиреніи продолжались, и много успій было приложено благонамѣренными личностями (въ родѣ лѣн и правъ Парижа), чтобы достигнуть соглашенія. Но Тьеръ не хотѣлъ и слышать. Онъ не признавалъ прѣмія, однимъ словомъ, ничего, кромѣ безусловной сдачи.

16 апрѣля состоялись дополнительные выборы въ коммуна, вызванные вакантною 31 мѣста, освобожденными вслѣдствіе смерти, двойныхъ выборовъ и отказовъ депутатовъ. Переѣмна по сравненію съ выборами 26 марта была весьма замѣтна.

Вмѣсто 146 тысячъ, голосовавшихъ тогда, въ тѣхъ же участкахъ теперь было подано всего 61 тысяча голосовъ. Чувствовалось, что надежды на миръ не оставалось никакой и что всѣ воювавшіе голосовали за войну съ версальцами до послѣдней капли крови. Бездѣятельность и колебаніе коммуны до сей поры также оттолкнули отъ нея многихъ, ей сочувствовавшихъ.

Послѣ этихъ выборовъ 19 было окончательно рѣшено выпустить изложеніе политической программы коммуны. Программа эта, составленная, какъ предполагали, комиссіей изъ 5 членовъ, была въ дѣйствительности почти цѣликомъ дѣломъ одного журналиста Пьера Дени, которому помогать Делеклюзъ. Этотъ Дени, писавшій въ газетѣ Жюль Валлеса „Cridu peuple“ („Крикъ народа“), былъ фанатикомъ въ вопросѣ федеральной автономіи и это основаніе хотѣлъ положить во главу угла новой деклараціи, требовавшей признанія республики автономіи всякаго города или коммуны (независимо отъ ихъ величины) по всей Франціи. Прежде всего, впрочемъ, выставлялось требованіе автономіи Парижа. Остальная Франція должна была послѣдовать его примѣру, какъ могла. Въ права коммуны включены были: вотированіе бюджета, обложенія, организація и контроль за мѣстной дѣятельностью учреждений, мажистратура, полиція, народное образованіе, забота о коммунальномъ благоустройствѣ и т. д., — однимъ словомъ, устанавливалась полная автономія во всѣхъ отношеніяхъ. Въ деклараціи упоминалось о центральномъ совѣтѣ делегатовъ отъ коммуна Франціи, но его функціи и обязанности нигдѣ не были сколько-нибудь точно опредѣлены и установлены. Было, повидимому, совершенно

забыто, что безъ соответствующихъ гарантій и охранительныхъ мѣръ подобный совѣтъ явился бы безъ надежно реакціоннымъ учрежденіемъ вслѣдствіе того, что большинство мелкихъ деревенскихъ коммунъ голосовали бы подъ вліяніемъ духовенства. Весь смыслъ предложенія деклараціи, повидимому, заключался въ томъ, чтобы предоставить во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ полную автономію Парижу, а чтобы всѣ остальные коммуны Франціи послѣдовали за нимъ, какъ это требовалось.

Я лично всегда сочувствовалъ всѣмъ движеніямъ въ пользу мѣстной автономіи, какъ наиболѣе непосредственно стремящимся разрушать современные „націи“ или централизованныя бюрократическія государства, и если бы указанное движеніе было соотвѣтственно организовано при содѣйствіи другихъ крупныхъ годовъ въ первые дни марта, то программа децентрализаціи, соотвѣтственно выработанная, могла бы послужить общимъ политическимъ основаніемъ. Теперь же было слишкомъ поздно. Мысль превратить Парижъ въ уединенный островъ среди океана французскихъ провинцій въ смутной надеждѣ, что другіе острова современемъ появятся сами собою и образуютъ архипелагъ, была числѣннейшей бессмыслицей. Манифестъ заключалъ въ себѣ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, былъ можетъ принадлежавшихъ Делеклюзу, но во всей своей совокупности онъ былъ несвоевремененъ и неподходящъ. Тѣмъ не менѣе коммуной онъ былъ принятъ почти безъ преній—такъ небрежны стали ея засѣданія.

Въ совѣтъ коммуны было двѣ опредѣленныхъ партій—т. н. „большинство“ и „меньшинство“. Возникли онѣ изъ-за горячихъ споровъ по вопросу о правильности выборовъ 16 марта, и, какъ часто бываетъ съ такими партіями, отношенія между ними становились все болѣе рѣзкими и переходили на личную почву. Скоро коммуна раскололась на нѣсколько фракцій, господство-

вавшихъ попеременно и еще больше ухудшавшихъ положеніе взаимными обвиненіями и интригами. Такимъ образомъ, дѣло обороны было парализовано, и дѣзреты, хорошие или дурные, оставались часто лишь пустой формой.

А тѣмъ временемъ версальцы готовились въ атаку и приводили въ порядокъ почти ежедневно получаемыя изъ Германіи подкрѣпленія, состоявшія изъ войскъ, которыя, послѣ своего пораженія и плѣна въ Германіи, готовы были участвовать въ войнѣ противъ кого бы то ни было, лишь бы она была успѣшна. Армія версальцевъ въ концѣ апрѣля достигала численностью 130.000 человекъ, не считая вновь прибывавшихъ войскъ. Бисмаркъ и нѣмецкія военныя власти спѣшили предложить Тьеру и французской буржуазіи всякое возможное содѣйствіе, чтобы помочь имъ сокрушить общаго врага—пролетаріатъ.

VIII.

Внутренняя административная дѣятельность и политика коммуны

Какъ было уже указано, коммуна организовалась, выдѣливъ изъ себя девять комиссій или делегацій. То были комиссія: продовольственная, департаментъ муниципальныхъ дѣлъ, финансовый, военный, общественной безопасности, правосудія (юстиціи), иностранныхъ дѣлъ, просвѣщенія и труда. Дѣятельность перваго департамента, продовольственнаго, не вскрѣчала препятствій до конца апрѣля, когда Тьеръ приказалъ приостановить движеніе всѣхъ поѣздовъ съ продовольствіемъ, шедшихъ въ Парижъ, но даже и послѣ этого возможно было получать припасы изъ нейтральной полосы, расположенной между нѣмецкой и версальской арміями. Кромѣ того, и въ самомъ городѣ было достаточно припасовъ, чтобы въ случаѣ необходимости выдержать осаду. Департаментъ общественныхъ или муниципальныхъ дѣлъ за-

завѣдывалъ общими наблюдениемъ надъ общественными учреждениями, въ родѣ почты, телеграфовъ, монетнаго двора, официальной печати, больницы, значительное большинство служащихъ которыхъ принуждено было или остаться въ Парижѣ, или снова вернуться въ него. Тейшъ, рабочій, взявъ въ свое завѣдываніе почтовые учреждения, что было связано съ громадными хлопотами такъ какъ бывший директоръ намѣренно все привелъ тамъ въ беспорядокъ. Жалованье всѣмъ служащимъ было повышено, а количество рабочихъ часовъ сокращено. Почти изъ всѣхъ этихъ учреждений „высшіе чины“ ушли, оставивъ работу управления ими въ рукахъ рабочихъ поставленныхъ туда коммуной.

Камелина, рабочій въ бронзовомъ производствѣ, взялъ на себя монетный дворъ и превосходно справился съ дѣломъ чеканки монеты и гравировки почтовыхъ марокъ. Больницы были реорганизованы и составъ служащихъ въ нихъ пополненъ и обновленъ старымъ революціонеромъ Трельяромъ. Въ финансовой комиссіи председательствовала Журдъ, бывший прежде конторщикомъ и бухгалтеромъ. Варленъ, рабочій агитаторъ, энергичный и преданный дѣлу, былъ также неопытнымъ членомъ этой комиссіи, задача которой заключалась въ сборъ и распредѣленіи суммъ для уплаты всѣмъ служащимъ, считая въ томъ числѣ и національную гвардію: на этой же комиссіи лежала обязанность уплаты по военнымъ издержкамъ. И всѣ эти отвѣтственные посты были заняты рабочими и мелкими служащими—съ жалованьемъ рабочихъ, а не съ окладами буржуазныхъ финансовыхъ дѣльцовъ. Въ военномъ департаментѣ, съ Кюзере во главѣ, дѣла, къ несчастью, шли, повидимому, хуже, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Тутъ всѣ противорѣчили другъ другу. Постоянные споры по поводу того, кому завѣдывали артиллеріей, привели къ тому, что она фактически осталась безполезной. Часто раздавались снаряды и патроны не того калибра, какой нужно. Важные посты часто осла-

вались не поддержанными. Интенданство было совершенно дезорганизовано. Баррикады, которыя рѣшено было построить, возведены были безъ всякаго опредѣленнаго стратегическаго плана. Вообще же среди департаментовъ, вслѣдствіе неточнаго опредѣленія границъ ихъ функций, существовала роковая склонность вмѣшиваться въ дѣятельность другъ друга. Особенно это замѣтно было у военного департамента и департамента полиціи (общественной безопасности). Последнимъ изъ упомянутыхъ департаментовъ завѣдывалъ Рауль Риго, горячій молодой революціонеръ, но неопытный и не подходящий для такого отвѣтственнаго поста. Въ дѣлѣ монастыря Пикпюсъ, гдѣ были найдены орудія пытокъ, клѣтки съ женщинами, находившимися въ ужасномъ состояніи, черепа съ волосами и другіе явные слѣды преступленій, не было предпринято ничего, кромѣ перевода монахинь въ С.-Лазарь. Декреты коммуны не исполнялись. Газеты, запрещенныя утромъ, вечеромъ разрѣшались къ продажѣ. Одно лишь не было забыто этъ департаментомъ, какъ и всѣмъ движениемъ: гуманный и такъ называемый христіанскій завѣтъ—дѣлайте добро ненавидящимъ и преслѣдующимъ васъ. Коммуна черезъ эту комиссію поддерживала женъ и семейства тѣхъ, которые сражались противъ нея, говоря: „у коммуны найдется хлѣбъ для всѣхъ нуждающихся и попечение о всѣхъ сиротахъ“.

Съ комиссіей полиціи и общественной безопасности была соединена комиссія юстиціи. Коммуна приказала, чтобы каждый арестъ былъ отмѣченъ въ этомъ департаментѣ. Что касается щепетильности по вопросу о собственности, то департаментъ юстиціи былъ столь же недантиченъ, какъ и коммуна, вернувши газовой компаніи денежную кассу, захваченную въ учрежденіяхъ коммуны во время обыска. Онъ уволилъ комиссара, отобравшаго, по полицейскому обычаю, деньги, найденныя у Густава Шолэ, когда тотъ былъ арестованъ за то,

что приказать 22 января стрѣлять изъ городской ратуши. Загѣмъ делегація юстиціи назначила тщательное и суровое разслѣдованіе состоянія тюремъ и причинъ ареста всѣхъ содержавшихся тамъ лицъ. Это послѣднее обстоятельство повело къ столкновенію двухъ департаментовъ и къ отставкѣ Рауля Риго, получившаго внушеніе отъ Делекюза за небрежное отношеніе къ возложеннымъ на него важнымъ обязанностямъ.

Комиссія внѣшней политики была учреждена, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ разъясненія провинціямъ, столь долго остававшимся въ пренебреженіи, смысла и задачъ движенія и въ цѣляхъ противодействія версальцамъ, старательно наводнявшимъ провинціи ложными сообщениями. Впрочемъ, къ тому времени, какъ эта комиссія принялась за работу, важнѣйшія движенія въ провинціи, послѣдовавшія за 18 марта, были всѣ подавлены, такъ что она ничего не сдѣлала и не была въ состояніи не только направлять, но даже поддерживать спорадическія *) волненія, возникавшія въ различныхъ мѣстахъ въ теченіе слѣдующихъ недѣль. Правда, она разослала нѣсколькихъ комиссаровъ, но, по большей части, все парижанъ, неизвѣстныхъ совершенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда они были посланы. Принимая во вниманіе что единственный шансъ на успѣхъ со стороны коммуны заключался въ созданіи сильнаго движенія среди вооруженнаго населенія крупныхъ провинціальнахъ городовъ, умѣренность предпринятыхъ коммуной дѣйствій представляется просто невѣроятной. По поводу самой комиссіи необходимо, впрочемъ, замѣтить, что назначенная ей коммуной сумма въ 100 тысячъ франковъ была до смѣшного мала для такой важной цѣли—привести въ движеніе всѣ провинціи Франціи.

Департаментъ народнаго просвѣщенія, хотя и упраздненный немедленно преподаваніе Закона Божія и устранив-

шій изъ школы всѣ религіозныя эмблемы, не пошелъ въ своей дѣятельности дальше подготовительныхъ шаговъ и выработки программъ. Были свѣдѣнія, что онъ разрабатываетъ планъ первоначальнаго и средняго образованія, но никакихъ слѣдовъ этого не осталось. Элизе Реклю и Бенуа Гасино оглично занялись Національной библіотекой, Густавъ Курбе, живописецъ, съ комитетомъ изъ художниковъ завѣдывалъ музеями и картинными галереями. Нѣкоторые изъ округовъ Парижа оказались гораздо дѣятельнѣе въ области народнаго образованія, чѣмъ сама комиссія. Одинъ изъ нихъ по собственной инициативѣ устроилъ бесплатную выдачу одежды и пищи для дѣтей. Другой заявлялъ что задача школы революціонной коммуны — научить дѣтей любить своихъ братьевъ, любить справедливость и дать имъ возможность вернуться домой съ сознаніемъ обязанности совершенствоваться и развивать себя не въ цѣляхъ личнаго успѣха, но „въ интересахъ всѣхъ“. Въ то же время учителямъ рекомендовалось примѣнять впредь „опытный и научный методъ, исходящій изъ фактовъ физическихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ“ *).

Комиссией, больше всѣхъ работавшей и больше всѣхъ сдѣлавшей для проведенія въ жизнь социалистическихъ принциповъ революціи 18 марта, была, безъ сомнѣнія, комиссія „труда и обмѣна“ подъ предсѣдательствомъ австрійца Лео Франкеля. Она систематически принялась собирать материалы и свѣдѣнія относительно положенія труда и отношеній, существующихъ во всѣхъ отрасляхъ производства между хозяевами и рабочими. Ей порученъ былъ также пересмотръ налоговъ и преобразование финансовой системы. Въ своемъ докладѣ она рекомендовала вернуть векселя и залоги всѣмъ нуждающимся людямъ, закрыть всѣ ссудныя кассы, такъ какъ цѣлью коммуны было быстрое установленіе организаціи, дающей

*) Спорадическій—случайный, единичный.

*) Интеллектуальный—умственный.

серьезныя гарантіи подде жки безработнымъ. Коммуна, провозгласивши это, полагала, что тѣмъ самымъ рабочие будутъ избавлены отъ эксплуатаціи со стороны капитала; затѣмъ коммиссія труда озаботилась изданіемъ за-прещенія ночного труда для булочниковъ и объявила незаконными всякіе штрафы и задержку заработной платы. По ея настоянію коммуна постановила конфи-сковать всѣ не дѣйствующія фабрики и мастерскія и немедленно передать ихъ рабочимъ товариществамъ для использованія ихъ на кооперативныхъ *) началахъ. По-становленіе это, хотя и неудовлетворительное во мно-гихъ деталяхъ, первый разъ въ исторіи открыто уста-навливало принципъ экспроприаціи **) класса капита-листическѣмъ классомъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи имѣло неизмѣримую важность. Къ несчастью, время и обстоятельства не позволили привести его въ дѣйствіе.

Каковъ же былъ Парижъ во время коммуны? Мир-ный, тихій и, что главное, почти св бодный отъ пре-ступленій. Послѣдній фактъ признается какъ друзьями, такъ и врагами коммуны. Буржуазные англичане, не сочувствовавшіе коммуны, были, вопреки своему жела-нію, невольными свидѣтелями безопасности и порядка во всемъ городѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, когда хо-зяйкой тамъ была революція. Кварталы, въ которыхъ при процвѣтаніи „порядка“ часто происходили напа-денія и рѣзала глаза проституція, въ это время можно было проходить безопасно днемъ и ночью. Въ то время, какъ версальскія газеты ежедневно требовали чуть не поголовнаго истребленія парижанъ, во всѣхъ револю-ціонныхъ изданіяхъ нигдѣ никто не нашелъ бы при-зыва къ кровопролитію. Церкви, закрытыя для бого-

служенія, въ которое уже никто серьезно не вѣрилъ, были превращены въ общественныя зала, гдѣ у ка-едръ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, ораторы излагали ученіе революціоннаго социализма. Подъ аккомпаниментъ органа распѣвались революціонныя пѣсни. Тюльери *) служилъ открытымъ концерннымъ заломъ для народа. Таковъ былъ Парижъ во время коммуны.

IX.

Франкмасоны *), комитетъ общественнаго спасенія и Россель.

Послѣдняя серьезная попытка примирить Версаль съ Парижемъ была сдѣлана франкмасонами 21 апрѣля. Тьеръ принялъ ихъ холодно и заявилъ, что законъ будетъ восстановленъ, даже если бы для этого пришлось зесь Парижъ отдать на разрушеніе. И онъ сдержалъ свое слово. Нѣсколько дней спустя франкмасоны на публичномъ собраніи рѣшили водрузить свое знамя на укрѣпленіяхъ и связать свою судьбу съ коммуной. И вотъ 29 собрались 10 тысячъ братьевъ, представив-шихъ 55 ложъ, и направились къ городской ратушѣ во главѣ съ великими мастерами со рѣсьми ихъ атри-бутами и знаменами ложъ. Среди нихъ выдѣлялось лавовое Венсенское знамя съ надписью красными буквами по бѣлому полю: „Любите другъ друга“. Пуцень былъ также шаръ, изъ котораго за стѣнами Парижа сыпа-лись манифесты франкмасоновъ. Затѣмъ процессія по-вернула черезъ бульвары и Елисейскія поля къ триум-фальной аркѣ, гдѣ вдоль укрѣпленій въ разныхъ мѣ-стахъ были водружены знамена. Увидя бѣлый флагъ на Портъ-Мальо, версальцы прекратили стрѣльбу, и ихъ командиръ, самъ франкмасонъ, принялъ депутацію отъ

*) Кооперация—общество рабочихъ, ведущее производство безъ участія хозяевъ.

**) Экспроприація—принудительное обращеніе частной недви-жимой собственности въ государственную или частную же съ вознагражденіемъ владѣльца.

*) Тюльери— дворецъ въ Парижѣ.
**) Франкмасоны—члены религиозно-мистическихъ обществъ. За-дачи этихъ обществъ сводятся къ нравственному усовершенство-ванію людей на началахъ всеобщаго братства и равенства, братства и—овъ наз. *логами*, во главѣ каждой ложы «мастеръ».

братьевъ и обратился къ Версало съ послѣдними призывомъ, который былъ принятъ. Впрочемъ, глава „исполнительной власти“ еле выслушалъ делегатовъ и отказался отъ дальнѣйшихъ обсужденій вопроса о мирѣ съ кѣмъ бы то ни было. Собственно говоря, иного приѣма нельзя было и ожидать. Этотъ чистенькій озлобленный буржуа уже чувствовалъ запахъ крови пролетаріевъ, которой онъ такъ жаждалъ. Послѣ этой послѣдней неудачной попытки примиренія, франкмасоны окончательно перешли въ ряды бойцовъ за коммуну.

Милльеръ, упорно съ самаго начала апрѣля работавшій надъ организаціей провинціаловъ въ Парижѣ, склонилъ, наконецъ, „республиканскій союзъ департаментовъ“, состоявшій изъ лившихъ въ Парижѣ провинціаловъ, формально присоединиться къ коммунѣ; 15 тысячъ человекъ съ нимъ во главѣ, отправились въ городскую ратушу, вотировавъ предварительно адресъ къ департаментамъ. Это было 30 апрѣля. Въ тотъ же день послѣ обѣда получило извѣстіе объ очищеніи федералистами форта Исси, вслѣдствіе неожиданнаго нападенія версальцевъ. Впрочемъ, нѣсколько человекъ остались, а между ними одинъ юноша съ большимъ количествомъ пороха и артиллерійскимъ шпуромъ, готовый, скорѣе, взлетѣть вмѣстѣ съ форгомъ на воздухъ, чѣмъ сдать его. Лишь только эти извѣстія были получены, туда немедленно же пошли подкрѣпленія, и версальцы были выбиты изъ парка, окружавшаго фортъ, а самый фортъ снова занятъ. Этотъ случай, хотя и не имѣвшій непосредственныхъ послѣдствій, внезапно пролилъ свѣтъ на небрежность и халатность, съ какими велась оборона. Кюзере въ тотъ же вечеръ былъ арестованъ. Этотъ же случай косвеннымъ образомъ повелъ и къ созданію проекта, задуманнаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ, а именно—проекта учрежденія „комитета общественнаго спасенія“. Здѣсь мы видимъ проявленіе старыхъ революціонныхъ традицій. Это было формально

высказано ихъ старымъ хранителемъ, Феликсомъ Пиа, выставившимъ въ качествѣ мотива, что комитетъ общественнаго спасенія принадлежалъ періоду, впервые создавшему „республику“ и „коммуну“. Это преклоненіе передъ фразами и историческими амулетами *) до такой степени характерно для французовъ и такъ отравляло всѣ французскія народныя движенія, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Какъ бы то ни было, дѣло, конечно, не въ названіи, но у всѣхъ господствовало сознание необходимости создать на это время какую-нибудь централизованную власть. Постоянная исполнительная комиссія коммуны, хотя реорганизованная, оказалась совершенно неудовлетворительной. Въ своемъ послѣднемъ преобразованномъ видѣ она состояла изъ Кюзере, Журда, Виара, Паскаля Груссе, Франкеля, Прото, Андриана, Вальяна и Рауля Риго. Въ концѣ концовъ, учрежденіе комитета общественнаго спасенія было рѣшено 45 голосами противъ 23. Этотъ въпросъ вызвалъ открытую ссору между т. наз. „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“ коммуны. Большинство, руководимое Феликсомъ Пиа, голосовало за комитетъ. Меньшинство, состоявшее изъ самыхъ убѣжденныхъ социалистовъ городской ратуши, голосовало противъ него. Когда вопросъ коснулся избранія членовъ комитета, меньшинство отказалось принимать въ немъ какое-либо участіе. Тогда „большинствомъ“ избраны были Арно, Ранвье, Мелье, Жерарденъ и Пиа. Это столкновеніе имѣло самое пагубное вліяніе, такъ какъ впервые обнаружило для всего міра разногласія и личные счеты въ коммунѣ, до сихъ поръ не выходившіе изъ залы совѣщаній.

Въ тотъ самый вечеръ (30 апрѣля), когда былъ арестованъ Кюзере, на его мѣсто былъ назначенъ Россель. Это былъ разочарованный молодой офицеръ,

*) Амулеты—вещи, носимыя суевѣрными людьми для предохраненія себя отъ болѣзни, худого глаза и т. д.

служившій во время франко-прусской войны и считавшій себя несправедливо обойденнымъ военными властями. Подыскивая себѣ положеніе, гдѣ онъ могъ бы выдвинуться, и полный ожесточенія противъ своего прежняго начальства, онъ явился въ Парижъ и сталъ служить революціи. Ему не было никакого дѣла до ея причины и цѣлей, и на вопросы коммуны онъ откровенно отвѣтилъ, что не понимаетъ, что такое социализмъ, но что онъ ненавидитъ правительство, отдавшее двѣ французскія провинціи „пруссакамъ“, и готовъ поддержать всякое движеніе для сверженія его. Въ виду только-что обнаружившейся неспособности, а можетъ быть, и измѣны Клузере, этотъ молодой офицеръ съ нѣкоторой военной репутаціей, къ тому же столь авторитетно говорившій о положеніи вещей, показался господамъ изъ городской ратуши чуть ли не посланнымъ свыше. Впрочемъ, Россель хотѣлъ вести дѣло въ духѣ сурово-взыскательной дисциплины и съ перваго же раза не сумѣлъ поладить въ своихъ отношеніяхъ съ національной гвардіей, гражданами-солдатами. Несмотря на всю его претенціозность, улучшеній въ порядкахъ, введенныхъ Клузере, все-таки не было замѣтно. Онъ началъ съ системы баррикадъ, связывающихъ три главныя стратегическія позиціи-внутри города—Монмартръ, Тракадеро и Пангеонъ, но не довелъ ихъ до конца. А версальцы тѣмъ временемъ открыли новыя багарей, и линія огня медленно, но настойчиво все ближе и ближе окружала Парижъ. Положеніе осложнялось еще центральнымъ комитетомъ, персональ котораго почти совершенно измѣнился по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, и постоянно вмѣшивался въ дѣла военной комиссіи. Исси черезъ нѣсколько дней превратился въ груду развалинъ и, наконецъ, былъ очищенъ 9 мая. Россель въ тотъ же вечеръ съ нескромностью, но всѣмъ видимостямъ преднамѣренной, словно то была вѣсть о побѣдѣ, по всему Парижу

расклеилъ объявленія, гласившія: „трехцвѣтное знамя развѣвается надъ фортомъ Исси, покинутымъ гарнизономъ“. Немедленно послѣ этого онъ написалъ письмо, въ которомъ старался облечь свою военную репутацію, ссылаясь на плохую организацію военной службы. Всѣмъ было извѣстно, что она достаточно плоха, но Россель прекрасно зналъ положеніе вещей, когда бралъ на себя отвѣтственность, и отсюда вполне очевидно, что онъ не сдѣлалъ всего, что могъ бы сдѣлать, какъ бы ни были скверны обстоятельства. Онъ кончилъ тѣмъ, что заявилъ о своей отставкѣ и попросилъ себѣ „камеру въ тюрьмѣ Мазасъ“.

Х.

Послѣдніе дни Парижа.

Кромѣ чисто военныхъ операцій, версальцы были не прочь воспользоваться услугами своихъ шпионовъ и пытаться войти въ городъ путемъ измѣны. Впрочемъ, эти господа только ссорились между собою, взаимно доносили другъ на друга своимъ хозяевамъ и, несмотря на большія обѣщанія, которыя каждый изъ нихъ давалъ, ничего не сдѣлали, кромѣ расграты нѣсколькихъ сотъ тысячъ франковъ правительственныхъ денегъ. Большинство изъ нихъ были „старые солдаты“, нѣсколько морскихъ офицеровъ, реакціонные національные гвардейцы, а то и просто мошенники. Когда нѣкоторые изъ нихъ попытались подкупить Домбровскаго, тотъ понесъ на нихъ комитету общественной безопасности. То была, кажется, послѣдняя попытка Тьера взять Парижъ путемъ предательства. Онъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выходитъ.

Между тѣмъ, пререканія въ залѣ совѣта между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“ коммуны, къ несчастью, все обострялись. Россель, несмотря на свою просьбу дать ему „камеру въ Мазасъ“ и на честное слово не спасаться бѣгствомъ, все-таки бѣжалъ и скрылся въ

безопасное убежище, откуда недѣли черезъ три его извлекли уже версальцы, овладѣвшіе Парижемъ. рѣшенъ его былъ рѣшенъ почти единогласно всей коммуной при открытіи засѣданія 10 мая. Слѣдующей стоявшей на очереди задачей была реорганизація столь ужаснаго комитета общественнаго спасенія, который, послѣ 8-дневнаго существованія, по общему мнѣнію, оказался негоднымъ. „Меньшинство“ воспользовалось случаемъ, чтобы протянуть „большинству“ по-товарищески руку въ знакъ примиренія; но „большинство“, руководимое Феликсомъ Пиа, предсѣдательствовавшимъ въ засѣданіи, продолжало держаться подозрительно и недоброжелательно, такъ что расколъ сталъ еще болѣе рѣзкимъ, чѣмъ прежде. Составъ комитета измѣнился, но въ немъ опять оказались лишь члены „большинства“. Выбраны были Равьсь, Гамбонъ, Делеклюзъ, Арно и Эдь. Делеклюзъ былъ сдѣланъ затѣмъ начальникомъ военнаго департамента; Билльоре, незначительный членъ „большинства“, занялъ освободившуюся такимъ образомъ вакансію въ комитетѣ; Рауль Риго снова попалъ въ департаментъ общественной безопасности, на этотъ разъ въ качествѣ полицейскаго прокурора; между тѣмъ, префектомъ полиціи былъ избранъ Теофиль Ферре, такъ какъ Курне, вначалѣ замѣстившій въ префектурѣ Риго, отказался отъ должности.

Новый комитетъ общественнаго спасенія приказалъ разрушить домъ Тьера въ Парижѣ, что и было исполнено. Въ этомъ, впрочемъ, было мало пользы, въ виду того, что національное собраніе все равно выстроило бы его вновь на государственныя счеты, и въ Версаль, дѣйствительно, немедленно же былъ изданъ соотвѣтствующій декретъ. Между тѣмъ, коммуна и ея приверженцы, не занимаясь серьезно единственнымъ важнымъ вопросомъ минуты—защитой Парижа, продолжали издавать декреты, касавшіеся пользы и украшенія города, многіе изъ которыхъ были, дѣйствительно, отличны сами по себѣ, но очень немногіе—своевременны.

Среди лучшихъ носившихъ, такъ сказать, „символическій характеръ“ мѣръ коммуны слѣдуетъ указать на изданный 12 апрѣля декретъ о разрушеніи Вандомской колонны. Хотя приготовленія къ этому стали производиться тотчасъ же, но, вслѣдствіе различныхъ задержекъ, закончены они были лишь черезъ мѣсяць, такъ что лишь 16 мая эта великая эмблема французскаго „націонализма“ рухнула на землю. Такъ какъ она была воздвигнута съ цѣлью прославить побѣды Наполеона I, одержанныя во время его завоевательныхъ нашествій, то на нее справедливо смотрѣли, какъ на воплощенное оскорбленіе не только всякаго другого европейскаго народа, но, прежде всего, революціи съ ея принципами международности. И вотъ, послѣ полудня 16 мая на улицѣ Мира и на площади Согласія собралась громадная масса народа, крыши и окна домовъ были усеяны зрителями, напряженно и не безъ страха слѣдившими за подготовительными операціями: громадная сѣть канатовъ была протянута къ верхушкѣ колонны. Въ 5 часовъ національный гвардеецъ прикрѣпилъ трехцвѣтное знамя на галерею у верхушки этого хвастливаго великолѣпія, и нѣсколько минутъ спустя національный флагъ, статуя Наполеона и сама колонна лежали, разбитыя въ куски, на толстомъ слоѣ навоза, заранѣе приготовленномъ для нихъ. Опасенія оказались напрасными, и паденіе произошло безъ всякихъ случайностей.

Наканунѣ, 15, раздоръ между меньшинствомъ и большинствомъ достигъ высшей своей точки, и меньшинство вышло изъ состава коммуны по поводу прокламаціи послѣдней, касавшейся „комитета общественнаго спасенія“, въ которой заявлялось, что коммуна передала свои функціи въ руки безответственнаго комитета. „Что же касается насъ“, заявлялось дальше, „то мы не менѣе, чѣмъ „большинство“, желаемъ осуществленія политической и соціальной реорганизаціи; но, вопреку его взглядамъ, мы на таиваемъ на правѣ

быть однимъ лишь отвѣтственнымъ за всѣ наши дѣ-
ствия передъ избирателями, не укрываясь за спиною
вышей диктатуры*), которую наши полномочія не
позволяютъ намъ ни принять, ни признать“. Далѣе въ
прокламаціи указывалось, что подписавшіе ее, чтобы
не дать возникнуть дальнѣйшимъ разногласіямъ въ залѣ
совѣта, предполагаютъ удалиться въ свои округа, чтобы
организовать сопротивление общему врагу. Прокламація
заканчивалась великодушнымъ выраженіемъ убѣжденія,
что „всѣ мы, большинство и меньшинство, несмотря
на разногласія по вопросамъ тактики, преслѣдуемъ одну
цѣль—политическую свободу и освобожденіе рабочихъ.
Да здравствуетъ социальная республика! Да здравствуетъ
коммуна!

Подъ заявленіемъ стояли подписи: Белъ, Журдъ,
Тейшъ, Лефрансэ, Жирарденъ, Верморель, Клеманс
Анри, Серройе, Лонге, Аргуръ, Арну, Клеманс
Викторъ, Оріаль, Остэнъ, Франкель, Пенди, Арнольдт,
Валлесъ, Тридонъ, Варленъ и Курбе. Присоединил-
ся къ нимъ потомъ и Малонъ.

Поведеніе меньшинства, покинувшего коммуны въ
такіе кригическіе моменты, заслуживаетъ самаго серьез-
наго порицанія. Приведенный имъ поводъ былъ просто
нелѣпъ. Вѣдь сами же они голосовали за второй
комитетъ. Къ тому же такой педантической парламен-
таріи и боязнь диктатуры были крайне смѣшны при
кризисѣ, который переживало движеніе. Правда, составъ
комитета могъ вызвать много возраженій, и на практикѣ
онъ оказался достаточно неспособнымъ. Но въ принципѣ
не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что положеніе
вещей требовало именно диктатуры. Комитетъ потерпѣлъ
неудачу не по какой другой причинѣ, какъ потому
что въ немъ не было человѣка, достаточно твердаго
для „диктатуры“. Невозможно отрицать, что такой

*) Диктатура—обіеченіе одного лица неограниченной власти
когда государство находится въ затруднительномъ положеніи.

поступокъ меньшинства, допустившаго мотивами лич-
ной досады руководить собой, нанесъ сильный ударъ
вліянію коммуны какъ внутри, такъ и извнѣ и далъ
поводъ достаточно позлорадствовать друзьямъ „порядка“
въ Версалѣ и въ другихъ мѣстахъ. Однако, большин-
ство изъ подписавшихъ заявленіе поняли, повидимому,
что они сдѣлали ошибку, немедленно же послѣ того,
какъ они вышли, и черезъ два дня, 17-го, значительная
часть ихъ вернулась въ городскую ратушу, несмотря
на свой отказъ. Общественныя собранія, созванные
ими наканунѣ въ ихъ округахъ, никоимъ образомъ не
одобрили ихъ выхода изъ коммуны. Засѣданіе 17 мая
было самымъ многочисленнымъ за все существованіе коммуны;
на немъ присутствовало 66 членовъ. Къ несчастію,
оно занялось, главнымъ образомъ, личными препиратель-
ствами между двумя партіями, какъ вдругъ въ 7 часовъ
вечера было прервано взрывомъ порохового завода въ
Avenue Râpp, потрясшимъ Парижъ изъ конца въ конецъ.
Была ли то случайность или предательство? До сихъ
поръ этого никто не знаетъ.

XI.

Вступленіе версальцевъ.

Воскресенье, 21 мая, было однимъ изъ тѣхъ
тѣсныхъ весеннихъ дней, когда Елисейскія поля и
Тюльерійскіе сады развертываютъ въ ясномъ воздухѣ
все великолѣпіе своей молодой зелени, равной которой
нѣтъ ни въ одной столицѣ Европы. Послѣ полудня, по
приказанію коммуны, подъ деревьями Тюльерійскихъ
садовъ, на открытомъ воздухѣ, былъ назначенъ грандіоз-
ный концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ національных
гвардейцевъ, убитыхъ при защитѣ Парижа. Тысячи
парижанъ въ праздничныхъ костюмахъ тѣснились въ
садахъ. Въ концѣ концерта офицеръ національной
гвардіи объявилъ, что на слѣдующее воскресенье въ
то же время и на томъ же мѣстѣ назначается второй

концертъ. Но въ слѣдующее воскресенье суждено было разыгратъ совершенно противоположной сценѣ и при другой обстановкѣ: унылая дождливая погода, Парижъ окутанный густымъ дымомъ, кровь, текущая по водосточнымъ каналамъ, наваленные повсюду трупы, загромождающіе улицы... Сколькимъ рабочимъ и ихъ семьямъ, мирно наслаждавшимся концертомъ, не суждено было увидѣть слѣдующаго воскресенья! Въ то самое время, когда офицеръ въ Елисейскихъ поляхъ объявлялъ о предполагаемомъ новомъ концертѣ, бандиты „порядка“ были уже въ городѣ невѣдомо для тѣхъ, попеченіе которыхъ онъ былъ ввѣренъ. Вотъ какъ произошло это. Съ уходомъ Росселя защита города пришла еще въ большій беспорядокъ, чѣмъ раньше. Большое пространство оборонительной линіи, въ томъ числѣ и нѣсколько воротъ, остались совершенно незащищенными. Версальцы съ своей стороны, наканунѣ открыли громадную сбѣгъ батарей. Гулъ ихъ выстрѣловъ, длившійся часъ и часомъ, все-таки не могъ образумить парижанъ и дать имъ понять, что конецъ близокъ. Первый отрядъ правительственныхъ войскъ вошелъ въ ворота С.-Клу—однѣ изъ незащищенныхъ пунктовъ, около 3-хъ часовъ Домбровскій, въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль руководившій безнадежно дезорганизованной обороной узналъ о положеніи вещей лишь часъ спустя отъ національнаго гвардейца, офицера. Онъ немедленно же приказалъ военной комиссіи доставить 7 пушекъ, не медленно же мобилизовать лучшіе батальоны и занять Отѣйльскія ворота. Вскорѣ послѣ этого національными гвардейцами заняты были и другіе пункты, а ворота у Іенскаго моста были забаррикадированы. Домбровскій немедленно же донесъ о происшедшемъ комитету общественного спасенія, который, въ свою очередь, послалъ Бильорэ сообщить обо всемъ коммунѣ. Въ это время коммуна судила Кюзере, по обвиненію одного изъ своихъ членовъ, Міо, но такъ какъ обвиненіе под-

брънялось лишь ссылками на слухи и сплетни, то оно само собой пало еще до прихода Бильорэ. Принесенное имъ извѣстіе поразило всѣхъ, какъ громомъ, засѣданіе было немедленно закрыто и Кюзере оправданъ. Но, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же серьезно обсудить положеніе вещей и въ результатѣ, быть можетъ, остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ обороны, коммуна попросту разбилась на группы болтуновъ, проговорившихъ до 8 часовъ, когда председатель объявилъ засѣданіе закрытымъ. Это было послѣднее засѣданіе парижской коммуны. Каждый членъ коммуны въ отдѣльности по отношенію къ своему округу сталъ теперь гласомъ вопіющаго въ пустынь. Вмѣсто того, чтобы вынести резолюцію, объявляющую засѣданіе коммуны непрерывнымъ,—а это необходимо было сдѣлать въ цѣляхъ созданія центра и объединительнаго пункта для обороны,—коммуна покинула городскую ратушу, сознательно совершивъ, такимъ образомъ, самоубійство и подписавъ смертный приговоръ всему революционному Парижу. Послѣдняя надежда оставалась на твердое, хорошо организованное соединеніе военныхъ силъ въ распоряженіи коммуны внутри города и на постройку системы баррикадъ, связывающихъ три главныхъ стратегическихъ пункта—Монмартръ, Трокадеро и Пантеонъ. Но, вмѣсто сосредоточенія усилій, въ этотъ критическій моментъ царило одно смятеніе. Всѣ покинули городскую ратушу и разошлись по своимъ округамъ. Въ энергіи недостатка не было, но она проявилась слишкомъ поздно и разбилась въ изолированныхъ и дезорганизованныхъ дѣйствіяхъ. Комитетъ общественного спасенія потерялъ голову, не зная, въ какую сторону ему броситься. Делеклюзъ въ военной комиссіи сохранилъ, однако, хладнокровіе и успокаивалъ коммуны увѣреніями, что уличный бой будетъ благопріятенъ для парижанъ.

Начальникъ генеральнаго штаба, Анри Прюдомъ, послалъ за свѣдѣніями къ начальнику наблюдательнаго

пуста у Триумфальной арки; послѣдній заявилъ, что онъ не видитъ никакихъ версальцевъ. Послѣ этого было расклеено объявленіе, гласившее, что вступленіе версальцевъ въ Парижъ сомнительно. Однако, в 11 часовъ ночи членъ коммуны, проѣзжавшій по одной изъ вѣдшихъ улицъ около линіи обороны, по улицѣ Бетховена, увидѣлъ, что огни тамъ погашены. Въ то же время лошадь его стала шлепать по лужамъ крови. У стѣны лежали зловѣщія темныя фигуры, оказавшіяся тѣлами убитыхъ національныхъ гвардейцевъ. Въ полночь генераль Сиссе съ отрядомъ вскарабкался на укрѣпленія въ другомъ незащищенномъ пунктѣ и вошелъ въ городъ, не встрѣтивъ сопротивленія. Затѣмъ вошедшими версальцами было открыто еще нѣсколько воротъ, и на разсвѣтѣ версальская армія хлынула въ Парижъ черезъ пять различныхъ проходовъ. Парижане, проснувшись, узнали, что 15-й округъ захваченъ Пасси и Трокадеро заняты версальцами; версальскія гранаты падали даже въ центръ города. Съ вѣдшихъ постовъ, еще занятыхъ федералистами, началось погромное бѣгство. „Теперь на баррикады, — раздались крики, — каждый въ свой округъ!“ Послѣдніе остатки дисциплины исчезли безслѣдно. Всюду выдвинулись элементы анархіи. Делеклюзъ выпустилъ роковую прокламацію, полную вздорной болтовни по поводу того, что голыя руки народа сильнѣе измышленій военныхъ стратеговъ, и, отзываясь съ презрѣніемъ о всякой организаціи, давалъ официальную санкцію нелѣпымъ выходкамъ разныхъ демагоговъ *) и худшихъ элементовъ національной гвардіи. Этого аттенто.

Рано утромъ помѣщеніе, занимаемое военнымъ департаментомъ, было оставлено, причемъ Анри Прюдомъ по преступной небрежности не уничтожилъ официальныхъ документовъ, осудивъ, такимъ образомъ, тысячу

*) Демагогъ — человекъ, разжигающій народныя страсти въ видахъ государственнаго переворота.

людей на смерть и ссылку. Торговцы во внутреннихъ частяхъ города, не понимая еще положенія вещей, начали было открывать свои магазины, но тогда же вновь ихъ закрыли, прочтя прокламацію Делеклюза и убѣдившись, что грохотъ орудій доносится уже изъ внутреннихъ частей укрѣпленій. Въ разныхъ кварталахъ поспѣшно и безъ всякой системы были построены баррикады, да и то въ большинствѣ случаевъ лишь тогда, когда версальцы открыто начали угрожать позиціямъ. Въ 9 часовъ утра нѣсколько членовъ коммуны, въ количествѣ слишкомъ незначительномъ, явились въ городскую ратушу, но разошлись послѣ безплодныхъ разговоровъ, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не придумалъ какого-нибудь опредѣленнаго плана обороны. На всѣхъ стѣнахъ висѣли прокламаціи съ призывомъ къ оружію, баррикадамъ и увѣреніями въ побѣдѣ. Безъ карты Парижа было бы бесполезно описывать медленное, но неуклонное наступательное движеніе версальцевъ въ этотъ день (въ понедѣльникъ, 22 мая). Достаточно сказать, что уличная оборона отличалась тѣми же характерными чертами, только въ болѣе рѣзкой формѣ, какія мы отмѣтили въ битвахъ около линіи обороны, — той же безграничной отвагой (сплошь и рядомъ въ сраженіи принимали участіе молоденькіе мальчики) и той же невозможностью получить во время подкрѣпленіе, орудіе или припасы. Высоты Монмартра остались главнымъ оплотомъ коммуны послѣ того, какъ Трокадеро палъ, а Пантеонъ еле держался. Какъ полагали, Монмартръ былъ очень силенъ и при умѣло поставленной оборонѣ могъ бы продержаться много дней. Но всюду слышались одни и тѣ же крики: „Мы должны защищать свои собственные кварталы!“ Тѣмъ не менѣе, съ приближеніемъ вечера по всѣмъ направленіямъ появились баррикады. Парижъ, какъ будто, действительно поднимался всей массой. Это ввело

въ заблужденіе многихъ, которые и теперь еще искренно продолжали вѣрить въ побѣду.

Тѣмъ временемъ свирѣлое національное собраніе, горя радостью при мысли о кровавомъ пирѣ, обѣщанномъ ему старымъ негодяемъ, вотировало единогласно, что „глава исполнительной власти“ и армія оказали громадную услугу странѣ.

XII.

Баррикады.

Ночь съ понедѣльника на вторникъ прошла въ молчаливыхъ и мрачныхъ приготовленіяхъ (къ сожалѣнію, слишкомъ позднихъ). Во всѣхъ кварталахъ слышны были удары ломовъ и кирокъ, выламывавшихъ камни изъ мостовой и выкапывавшихъ фундаменты для баррикады, которая появлялась сотнями. За работой были мужчины, женщины и дѣти. Они проявили, защищая свой идеалъ, такой энтузіазмъ, такую безграничную отвагу и презрѣніе къ смерти, какія еще никогда не проявлялись при подобныхъ же событіяхъ въ исторіи и которыхъ однихъ лишь достаточно, чтобы искупить всѣ ужасы XIX вѣка. То былъ героизмъ, по сравненію съ которымъ блѣднѣлъ героизмъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ. Христіане, по крайней мѣрѣ, вѣрили, что моментъ, когда зубы или когти пантеры вонзятся имъ въ горло, будетъ для нихъ минутой перехода въ новую безконечную жизнь, полную славы и чести. Ихъ стойкость, такимъ образомъ, была чисто эгоистической.

Рабочій-коммунаръ зналъ, что въ тотъ моментъ, когда пуля версальскаго солдата поразитъ его, его личная жизнь кончится навсегда. И все-таки онъ охотно приносилъ себя въ жертву будущему, т. е. будущему своего класса и болѣе счастливой жизни всего человечества, которыхъ ему не суждено увидѣть. Да, это самоотверженіе, этотъ героизмъ всего рабочаго класса Парижа были великолѣпны, но, къ сожалѣнію, это

была не война. Постарайся Кюзере, Россель или комитетъ общественнаго спасенія организовать сравнительно простую систему баррикадъ и сдѣлай они за-ранѣе необходимыя приготовленія, — нѣсколько хорошо снаряженныхъ батальоновъ національной гвардіи могли бы спасти положеніе. Но никто не позаботился объ этомъ. Все было предоставлено смятенію и беспорядку. Наконецъ, крикъ: „всѣ по своимъ кварталамъ!“, въ то время, какъ всѣ должны были бы быть на стратегическихъ пунктахъ, довершилъ неудачу. Устроено было громадное количество баррикадъ, безъ всякой системы, въ каждомъ кварталѣ; защищали ихъ безъ всякой системы же, но героически, массами попадаясь въ плѣнь, погибая въ этой бойнѣ. Революціонный Парижъ, какъ цѣлое, исчезъ, разбившись на отдѣльные участки и клочки. Безполезно входить въ подробности мрачной повѣсти о баррикадахъ; цѣлыми часами, иногда въ теченіе 2—3 дней, ихъ защищала кучка людей, которую, въ концѣ концовъ, разбивалъ цѣлый полкъ регулярныхъ солдатъ; часто баррикады, неприступныя съ фронта, бывали взяты съ фланговъ. Непріятелю казалось столь невѣроятнымъ, чтобы защитники Парижа не сдѣлали никакихъ существенныхъ приготовленій къ оборонѣ и не имѣли даже плана организаціи ея, а потому до вторника вечеромъ версальцы наступали нерѣшительно. Они подозрѣвали, что ихъ безпрепятственное вступленіе въ городъ и занятіе важныхъ позицій допущены были не просто, что это грозитъ, быть можетъ, гибелью всей версальской арміи, отъ засадъ ли, подземныхъ минъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Къ несчастью, эти страхи ихъ были совершенно неосновательны, а предосторожности излишни и ненужны.

Въ понедѣльникъ были моменты, когда нѣсколько хорошо направленныхъ гранатъ съ Монмартра и Пантеона могли бы уничтожить двѣ главныхъ колонны версальской арміи, встрѣтившіяся другъ съ другомъ и

сбившіяся со своей артиллеріей на площади Трોકадеро. Но Монмартръ молчалъ. Въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ ночи, вспыхнуло зданіе министерства финансовъ, за Тюльери. Это былъ первый изъ громадныхъ пожаровъ. Загоръ дось оно отъ версальскихъ гранатъ, направленныхъ противъ федеральныхъ укрѣпленій на терассѣ Тюльери: массы документовъ въ верхнихъ этажахъ представляли отличный горючій матеріалъ, рассыпавшій во всѣ стороны пламя и искры. Рано утромъ во вторникъ Бисмаркъ отдалъ нейтральную полосу и ворота С.-Уэна другой дивизіи версальской арміи, хлынувшей въ Парижъ; еще доказательство лживости чувства т. наз. „патріотизма“, разъ дѣло касается классового интереса. Французскіе буржуа-„патріоты“ готовы были лизать сапоги ненавистныхъ имъ „пруссаковъ“, умоляя ихъ о помощи прогивъ французскаго пролетаріата. Между тѣмъ, передъ общей опасностью члены коммуны возвысились надъ своими мелкими личными раздорами. „Большинство“ и „меньшинство“ соперничали другъ съ другомъ, кто сдѣлалъ больше. Но какъ мало можно было теперь сдѣлать! Кюзере былъ безсиленъ; да Цециліа, старому гарибальдійскому генералу и человѣку, не безъ военныхъ способностей, войска не хотѣли повиноваться, и онъ не могъ достать ни артиллеріи, ни снарядовъ на военныя позиціи. Монмартръ, почти неприступный фортъ, защищался нѣсколькими сотнями дезорганизованныхъ федералистовъ.

Нѣсколько имѣвшихся тамъ орудій попортились и были почти бесполезны. Къ полудню во вторникъ Монмартръ былъ захваченъ безъ особенно сильнаго сопротивленія. Ботинволь былъ занятъ еще раньше въ то же утро. На Монмартръ имѣло мѣсто первое изъ массовыхъ избіеній „кровавой недѣли“. Сорокъ два человека—мужчины, женщины и дѣти—были отведены на уицу де-Розье и перебиты, какъ гекатомба*) тѣнями

*) Гекатомба—жертвоприношеніе у древнихъ грековъ. 11.200

умершихъ негодяевъ Лебонта и Клеманъ-Тома. Солдаты попытались заставить ихъ стать на колѣни, но одна женщина съ ребенкомъ на рукахъ отказалась, крикнувъ своимъ товарищамъ: „Покажите этимъ негодяямъ, что умѣете умирать стоя!“ На южной сторонѣ Сены силы коммуны имѣли больше усилъха. Польскій эмигрантъ Вроблевскій, кое-что понимавшій въ военномъ дѣлѣ, устроилъ экспромтомъ*) грубую систему обороны, позволившую задержать на нѣкоторое время непріятеля на довольно большомъ разстояніи. Окончательной идеей Вроблевскаго было сосредоточить всю оборону на этомъ лѣвомъ берегу, подъ прикрытіемъ фортовъ, канонерокъ Сены и Пантеона. Этотъ планъ онъ сообщилъ Делеклюзу. Но было совершенно невозможно устроить все согласно тактической схемѣ, не приспособленной къ матеріалу, находившемуся непосредственно подъ руками, и къ требованіямъ текущаго момента: до того же ника была дезорганизація обороны. Лисбоннъ, членъ коммуны, командовавъ отрядомъ федералистовъ въ кварталѣ Пантеона. Онъ совершалъ чудеса, съ ничтожными средствами обороняя въ теченіе цѣлыхъ 2 дней доступъ къ Люксембургу. Комитетъ общественной спасенія выпустилъ прокламацію, призывая версальскихъ солдатъ отказаться отъ стрѣльбы въ ихъ парижскихъ братьевъ. То же сдѣлалъ центральный комитетъ. Но все безрезультатно. Ко вторнику ночью и половины Парижа не оставалось въ рукахъ коммуны. Версальцы безъ опасеній смѣло двигались впередъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ этотъ вечеръ Рауль Ригонъ вывелъ себя отъ ужасныхъ преступленій, которые совершаются всюду друзьями „порядка“, дѣйствуя исключительно на свой страхъ, явился въ тюрьму Ст.-Пелажи и пригрозилъ вывести на тюремный дворъ и разстрѣлять, вмѣстѣ съ тремя жандармами, Густава Шодэ, обвинен-

*) Экспромтомъ—неожиданно и затѣвными нѣтъ инфля

наго въ томъ, что по его настоянію въ январѣ изъ городской ратуши стрѣляли въ народъ. Всѣ эти лица взяты были въ качествѣ заложниковъ, и они уже, въ сущности, тысячу разъ потеряли право на жизнь, но коммуна до сихъ поръ щадила ихъ. Дѣла защитниковъ коммуны, между тѣмъ, шли все хуже и хуже. Къ отсутствію общаго руководства присоединился теперь недостатокъ военныхъ припасовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже пищи. Во всѣхъ частяхъ Парижа начались пожары, освѣщая ночное небо. Пожары произошли отъ версальскихъ гранатъ, а также произведены были самими коммунарами, съ цѣлью защищаться отъ невидимыхъ враговъ, стрѣлявшихъ въ нихъ съ крышъ и изъ верхнихъ этажей домовъ.

ХІІІ.

„Коммуна или смерть“.

Невозможно описать всѣ ужасы этихъ ночей. Блескъ сотни пожаровъ отражался въ лужахъ крови; всюду разбросаны человѣческіе трупы; половина Парижа превратилась въ огромный, отвратительный кошмарный адъ, по сравненію съ которымъ кажутся слабыми картины, нарисованныя воображеніемъ Данте. Такія ужасныя сцены едва ли видѣла когда-либо исторія; проскрипціи Суллы *), разрушеніе Иерусалима, сицилійская вечеря, Варооломеевская ночь, магдебургскій разгромъ—все блѣднѣетъ передъ кровавой оргіей зажиточнаго класса Франціи, оргіей, находившей одобреніе, молчаливое или ясно выраженное, того класса всего міра, который день за днемъ преспокойно наблюдалъ невыразимыя мученія и безчисленныя гекатомбы человѣческихъ существъ, считавшихся враждебными его классовымъ интересамъ, и могъ,—тѣмъ не менѣе, съ утонченнымъ цинизмомъ

*) Въ древнѣмъ Римѣ при Суллѣ сторонниковъ народной партіи подвергали массовому осужденію (проскрипціи), сопряженному съ конфискаціей имущества и изгнаніемъ.

лицемѣрія, поднимать вопли и крикъ по поводу убійства одного архіепископа. Въ эту ночь со вторника на среду въ городской ратушѣ, на постелѣ изъ голубого атласа лежалъ одинокій трупъ, съ одинокой восковой свѣчей у изголовья, трупъ, передъ которымъ стихли и умоляли суматоха и сумятица кварталовъ и передъ которымъ всѣ невольнo склонили головы. То былъ трупъ Домбровскаго, смертельно раненаго послѣ полудня. Къ утру тѣло было перенесено на владбище Pere la chaise. Когда его проносили мимо баррикадъ, всѣ солдаты-федералисты отдавали ему честь. У іюльской колонны процессія остановилась, и сотни національныхъ гвардейцевъ окружили носилки, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на своего самоотверженнаго командира. Такъ этотъ отважный народный боецъ перешелъ въ царство исторіи.

Тюльери пылало всю ночь, вмѣстѣ съ нимъ и другія общественныя зданія. Съ ранняго утра въ среду шли отчаянныя битвы у Пале-Рояля, банка, биржи и церкви св. Евстафія. Въ 9 ч. утра, въ то время, какъ нѣсколько членовъ коммуны, собравшись въ городской ратушѣ, обсуждали положеніе вещей, съ крыши блеснуло пламя, зажженное неизвѣстно какъ и кѣмъ. Черезъ часъ вся площадь представляла сплошной костеръ. Такъ какъ городская ратуша была разрушена, то все было перенесено въ мэрію 11-го округа. Въ этотъ день (24-го, среда) официальный журналъ коммуны вышелъ въ послѣдній разъ.

Всѣ намеки на какую-либо организацію, дисциплину или планъ въ защитѣ теперь исчезли. Всюду царили бѣшенство отчаянія, паника и анархія. Людямъ, цытавшимся хоть что-нибудь еще сдѣлать для плановѣрной обороны, мѣшали на каждомъ шагѣ маіаки *) равенства, столь родственные невѣжественнымъ умамъ анар-

* Маіаки—односторонній человѣкъ, упорно преслѣдующій какую-нибудь узкую цѣль.

хическаго толка. Офицеровъ, несшихъ важныя извѣстія, не торшѣвшія отлагательства, толпа схватывала и заставляла носить камни для баррикадъ, съ криками: „теперь нѣтъ больше эполетъ!“, „почему бы тебѣ не помочь намъ дѣлать баррикады?“ Доказывать, что т. наз. „раздѣленіе труда“ необходимо для всякаго общественнаго предпріятія, было бы, конечно, бесполезно. Такимъ образомъ, въ гробъ, гдѣ похоронена была плановѣрная оборона Парижа, забить былъ еще лишній гвоздь. Тамъ и сямъ начали разстрѣливать шпионовъ, дѣйствительныхъ и предпологаемыхъ; въ концѣ концовъ, добродушный и терпѣливый парижскій рабочій обезумѣлъ отъ бѣшенства, получая свѣдѣнія о кровавыхъ оргіяхъ, цѣлыми днями справляемыхъ въ занятыхъ версальцами кварталахъ при одобреніяхъ версальцевъ, имѣвшихъ наглость устами Тьера говорить про эту орду трусливыхъ убійцъ: „Наши отважные солдаты ведутъ себя такъ, что внушаютъ величайшее къ себѣ уваженіе (!)“. Чтобы оправдать до извѣстной степени избіеніе женщинъ, была придумана басня о т. наз. поджигательницахъ. Родство съ національнымъ гвардейцемъ, выраженіе ужаса, слеза, пролитая по убитомъ другѣ, — все это служило немедленнымъ поводомъ къ избіенію. Убійцы, офицеры и солдаты проявляли кровожадность невѣроятную. Сравнить этъхъ негодяевъ съ какими-нибудь представителями животнаго царства или съ дикими было бы несправедливостью для послѣднихъ. Они были воплощеніемъ преступныхъ инстинктовъ въ цивилизованномъ человѣкѣ. Наконецъ, остатки національной гвардіи Парижа, въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ подставлявшіе щеки своимъ обидчикамъ, спохватились. Они вспомнили о 300 заложникахъ, взятыхъ ими въ обезпеченіе того, что законы войны будутъ соблюдаться версальцами; хотя въ Версалѣ плѣнники непрерывно избивались все время и хотя уже теперь, въ теченіе четырехъ дней, всѣ кварталы, занятые въ Парижѣ версальской арміей, были превра-

щены въ бойни и обезображены тѣла ихъ жертвъ — мужчинъ, женщинъ, дѣтей — массами валялись на улицахъ, — несмотря на все это, еще ни одинъ волосъ съ головы заложниковъ не упалъ. Они находились въ тюрьмахъ Ла-Рокеттъ, куда накануне были переведены изъ Мазаса. Теофиль Ферре, начальникъ департамента общественной безопасности, рѣшилъ, наконецъ, осудить заложниковъ, чтобы приостановить этимъ бою со стороны версальцевъ. Но послѣдовалъ ли онъ примѣру убійцъ „порядка“ и приказалъ ли разстрѣлять всѣхъ 300 заложниковъ? Нѣтъ. Онъ выбралъ лишь шесть наиболѣе важныхъ представителей „порядка“. Ихъ онъ приказалъ вывести изъ тюрьмы и казнить. Когда возникъ вопросъ, кто долженъ исполнить это, кругомъ столпились десятки народа: всякому хотѣлось огомстить, — кому за отца, кому за брата, кому за жену. Наконецъ, выбрана была партія изъ 30 человѣкъ для совершенія казни. Шесть заложниковъ, архіепископъ Дорбуа, Бонжанъ, предсѣдатель апелляціоннаго суда, Дагерри, священникъ церкви св. Мадлены, и три іезуита были выведены на четырехугольный тюремный дворъ. Прежде чѣмъ отдать приказъ стрѣлять, Ферре заявилъ осужденнымъ, что не коммуна является отвѣтственной за ихъ смерть, а ихъ друзья — версальцы, превратившіеся въ хищныхъ звѣрей.

Между тѣмъ массовые пожары не прекращались. Загорѣлись церкви и театры. Но число кварталовъ, гдѣ развѣвался красный флагъ, становилось все менѣе и менѣе значительнымъ. Всюду видѣлся трехцвѣтнй. Лишь только баррикада бывала взята, на ней тотч съ уже водружался трехцвѣтнй флагъ. Оборона теперь сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ Вроблевскаго, прилагавшаго всѣ усилія, чтобы собрать разбросанные остатки защитниковъ, но тщетно. Около Бастиліи захваченъ былъ и разстрѣлянъ шпионскій версальскій офицеръ. Объ этомъ событіи Тьеръ съ безстыдствомъ

объявилъ въ Версалѣ какъ о „нарушеніи законовъ войны“, 26-го, въ пятницу, вечеромъ, при заходѣ солнца, бѣдный Делеклюзъ, полуживой отъ болѣзни и усталости, видя, что все пропало, вышелъ изъ мэрии 11-го участка, подпоясанный шарфомъ, съ палкой въ рукахъ, поднялся на баррикаду Шато До и черезъ минуту палъ подъ градомъ пуль. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, онъ, вспоминая іюньскіе дни 48-го г., говорилъ, что не въ состояніи пережить вторичнаго пораженія. Такъ умеръ этотъ благородный старый революціонеръ, въ жизни, какъ и въ смерти, вѣрный своему знамени. Делеклюзъ быть можетъ никогда не представлялъ себѣ вполне ясно смысла новѣйшаго социализма. Но его благородные инстинкты помогли ему въ его безкорыстной общественной дѣятельности и замѣнили недостатокъ прозорливости.

XIV.

Коммуна умерла.

По мѣрѣ того, какъ оборона ослабѣвала, волна убійствъ поднималась все выше и выше. Доносы сыпались со всѣхъ сторонъ. Въ занятыхъ кварталахъ производились настоящія облавы, и каждое подходящее зданіе было биткомъ набито плѣнными, которыхъ выводили толпами и разстрѣливали, иногда прямо сметали огнемъ митральезъ и хоронили полуживыми. Ночью слышались крики агоніи раненыхъ и изувѣченныхъ. Съ вечера пятницы вся оборона сосредоточивалась въ Бельвилѣ. Въ субботу былъ туманъ и дождь, вызванный стрѣльбой. Героизмъ возрасталъ вмѣстѣ съ безнадежностью положенія. Баррикады защищались до послѣдняго человѣка. Когда англійскій журналистъ спросилъ одного изъ защитниковъ баррикады, за что онъ умираетъ, тотъ отвѣтилъ: „за человѣческую солидарность“. Въ этотъ день Милльеръ былъ захваченъ и разстрѣлянъ на ступеняхъ Пантеона по приказанію генерала Сиссе.

Его пытались заставить стать на колѣни въ знакъ почтенія къ капиталистической цивилизаціи, на которую онъ нападалъ. Его послѣдній возгласъ былъ: „да здравствуетъ человечество!“ Милльеръ не принималъ участія въ коммуны, но былъ неутомимъ въ своихъ попыткахъ добиться соглашенія. Впрочемъ, онъ предалъ гласности дѣянія Жюля Фавра, и это было достаточнымъ основаниемъ для его убійства.

Бастилія была взята въ пятницу, въ 2 часа дня. Оставались теперь не взятыми лишь Бельвилъ и Лавиллеръ. II участокъ былъ очищенъ въ четвергъ, въ полночь. По условіямъ договора между герцогомъ саксонскимъ и версальцами, нѣмцы отрѣзали федералистамъ отступленіе съ сѣвера и востока. Такъ французское правительство вступало въ заговоръ съ своимъ официальнымъ врагомъ, чтобы сразить Парижъ. Душой обороны оставался теперь Ранвье, ободряя защитниковъ словомъ и дѣломъ. Приходившія каждую минуту извѣстія о кровожадности версальскихъ вампировъ, не щадившихъ ни дѣтей, ни женщинъ, предательски нарушавшихъ свои обѣщанія, довели защитниковъ баррикады до бѣшенства. Вечеромъ 48 заложниковъ, духовныхъ и жандармовъ, содержавшихся въ тюрьмѣ Ла-Роветтъ, переводили по улицѣ Нахо въ Венсенъ. Толпа настаивала на ихъ казни, угрожая даже нѣкоторымъ членамъ коммуны, пытавшимся отсрочить исполненіе этого требованія. Плѣнники были разстрѣляны.

Надо принять во вниманіе, что эти люди явились представителями испорченности и угнетенія со стороны имперіи въ самой худшей формѣ. Слѣдуетъ напомнить также, что все это время версальскіе плѣнники были просто заключены въ церквахъ и другихъ мѣстахъ, и ни одинъ волосъ на головѣ ихъ не былъ тронутъ. Между тѣмъ, версальцы разстрѣливали случайныхъ прохожихъ, имѣвшихъ хотя бы самое отдаленное сходство съ офицерами или членами коммуны. Раулю Риго не

удалось ускользнуть. Онъ былъ узнать въ улицѣ Гей-
Дюссака, когда входилъ въ домъ, схваченъ и приведенъ
версальскому офицеру, который сталъ его допра-
шивать. Единственнымъ отвѣтомъ Риго былъ возгласъ:
„Да здравствуетъ коммуна! Долой убійцы!“ Его немед-
ленно же прислонили къ стѣнѣ и разстрѣляли. Несмотря
на всѣ свои недостатки, онъ былъ столь же преданъ
революціи, какъ и другіе.

Быть можетъ, самой трагической смертью изъ всѣхъ
выдающихся людей коммуны погибъ Варлэнъ. Его схва-
тили на улицѣ Лафайета и протащили до Монмартра
со связанными за спиной руками, осыпая глдомъ уда-
ровъ и оскорбленій. Еще задолго до прихода на мѣсто
назначенія онъ весь былъ изувѣченъ, одна сторона лица
была превращена въ сплошную кровавую массу, одинъ
глазъ вырванъ изъ глазной впадины. Последнюю часть
пути его уже несли, такъ какъ идти онъ не могъ. Придя
на улицу де-Розье, версальцы раздробили ему голову
прикладами своихъ ружей. Варлэнъ былъ молодой рабо-
тникъ, посвящавшій все свое свободное время самообра-
зованію; онъ былъ хорошей организаторъ и одинъ изъ
лучшихъ и дѣятельныхъ членовъ коммуны.

Въ субботу, ночью, лишь часть Бельвиля оставалась
въ рукахъ коммунаровъ. Утро воскресенья, съ унылымъ
дождемъ и густыми облаками дыма, увидѣло лишь
нѣсколько улицъ, не занятыхъ версальцами. Стрѣльба
еще продолжалась изъ-за нѣсколькихъ баррикадъ рано
утромъ въ воскресенье, и лишь къ полудню послѣдняя
баррикада на Парижской улицѣ была взята. Эта улица
будетъ памятна, какъ послѣдній оплотъ коммунаровъ.
Защищала ее въ теченіе четверти часа одинъ лишь
человѣкъ, такъ какъ всѣ его товарищи пали. Удиви-
тельная вещь, но этотъ послѣдній боецъ спасся живымъ.
Оставался теперь лишь фортъ *Венсенъ*, — уединенная
наружная позиція, но и та сдалась на слѣдующій день —
въ понедѣльникъ, 29 мая.

Коммуна пала. „Порядокъ“ царствовалъ въ Парижѣ.
Всюду глазъ встрѣчались дымящіяся развалины, трупы и
запустѣніе. Воды Сены у одного берега были красны
отъ крови. По водосточнымъ трубамъ бѣжала кровь.
Дороги тоже были красны, словно парижская земля
превратилась въ лондонскую красную глину. Облака
мухъ поднимались съ кучъ труповъ; стаи вороновъ
перелетали отъ одной добычи въ другой. Сразивъ Парижъ,
убійцы теперь могли организовать бойню на свободѣ.
Было доказано, что эти избіенія были задуманы и намѣ-
чены еще въ Версалѣ до вступленія войскъ въ Парижъ,
и однихъ звѣрствъ Тьера самихъ по себѣ было доста-
точно, чтобы показать это. Странно лишь то, что хули-
телямъ коммуны удалось немедленно же произвести
подтасовку и распространить мнѣніе среди мало мысля-
щихъ людей, что сама коммуна была отвѣтственна за
ужасы ея подавленія. Никогда еще убійцѣ не удава-
лось такъ ловко и умѣло набросить клевету своего
собственного позорнаго преступленія на невинную жертву,
уста которой закрыты смертью. Эта клевета началась
немедленно, тутъ же на мѣстѣ. Паскаль Груссе раз-
сказывалъ мнѣ, что, проходя по двору, онъ слышалъ,
какъ женщина съ ребенкомъ на рукахъ говорила не-
годующимъ тономъ: „Да, да, дѣточка, вѣдь мы будемъ
помнить коммуны, не правда ли?“ И это происходило
при звукахъ выстрѣловъ мицкальезъ, избивавшихъ мас-
сами безпомощныхъ теперь защитниковъ коммуны. Пре-
ступно подумать, что коммуна, главнымъ недостаткомъ
которой были неправильно поняты мягкость и гуман-
ность, могла заслуживать съ чьей бы то ни было сто-
роны обвиненія въ томъ, что она являлась причиной
кровопролитія.

Городъ былъ раздѣленъ теперь на 4 военные участка
подъ командой генераловъ Винуа, Ладмиро, Сиссэ и
Дузъ. Въ каждомъ учреждены были многочисленные суды,
работавшіе по цѣлымъ днямъ, не повладея рукъ и орга-

низю избіенія. Имущество убитыхъ людей грабили солдаты. Достаточно было носить блузу, заплакать по убитымъ, сказать когда-либо или написать хоть слово въ защиту правъ рабочихъ, чтобы попасть въ число осужденныхъ и быть разстрѣляннымъ. Всюду можно было видѣть ряды плѣнныхъ, которыхъ вели на бойню. Наибольшее удовольствіе въ избіеніяхъ находилъ развращенный негодяй, бонапартистъ Галлифэ. Не разъ цигировалась статья корреспондента газеты „Daily News“ съ описаніемъ кровавыхъ подвиговъ этого чудовища, которыхъ корреспондентъ самъ былъ свидѣтелемъ. Галлифэ приказалъ вывести изъ той колонны плѣнныхъ, которая была ему поручена, нѣсколько сотъ старыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и разстрѣлять ихъ. Наконецъ, всѣ плѣнники были собраны въ одно или два специально назначенныхъ мѣста, чтобы покончить съ ними. Эти массовыя избіенія продолжались до 3 іюня, когда они были прекращены, главнымъ образомъ, изъ боязни чумы и вообще зараженія отъ массы труповъ, которыхъ не было возможности сразу всѣхъ похоронить. Казни лицъ, осужденныхъ постояннымъ трибуналомъ, засѣдавшимъ на равнинѣ Сатори, вѣ Парижа, продолжались до конца года. А тѣмъ временемъ, перебивъ хладнокровно 30 тысячъ пролетаріевъ, вызвавшихъ смщеніи, національное собраніе присутствовало на торжественномъ благодарственномъ богослуженіи по поводу возстановленія „порядка“.

XV.

Цивилизованный міръ и его „дрожь ужаса“.

Мы видѣли, что у коммуны былъ одинъ особенный недостатокъ — умѣренность въ дѣйствіяхъ; мы видѣли, что, быть можетъ, никогда еще съ начала исторіи не одна группа людей не позволяла обращаться съ собой словно съ овцами, ведомыми на закланіе, не обладала большимъ терпѣніемъ и отсутствіемъ мстительности.

тѣмъ коммуна и ея приверженцы; мы видѣли иллюстрацію этому въ невѣроятномъ фактѣ, что вплоть до послѣднихъ минутъ, среди массовыхъ избіеній коммунаровъ версальцами, большая часть заложниковъ и плѣнныхъ, находившихся въ рукахъ коммуны, оставалась невредимою. Мы видѣли, съ другой стороны, что версальцы, съ Тьеромъ во главѣ, организовавъ заранѣе съ хладнокровной обдуманностью и свирѣпостью цѣлую оргію крови, умерщвляли ежедневно попадавшихъ къ нимъ случайно плѣнныхъ, — однимъ словомъ, обдуманно составили и выполнили планъ преступленія, неслыханнаго въ исторіи, по сравненію съ которымъ самая худшія анархистскія дѣйствія представляются прикосовепіемъ губъ беззубаго ребенка по сравненію съ укусомъ тигра. Все это мы видѣли. Теперь намъ остается разсмотрѣть отношеніе цивилизованнаго міра, выражавшееся въ его органахъ печати, другими словами: отношеніе къ событіямъ коммуны мнѣнія буржуазнаго общества. Это мнѣніе, надо думать, должно было какъ-нибудь рѣзко выразить свои чувства по поводу версальскихъ убійствъ. Но такое ожиданіе съ нашей стороны обнаружило бы наивное непониманіе путей и способовъ классоваго общественнаго мнѣнія и его наемныхъ лакеевъ въ печати. Протестовъ не только нигдѣ не было, но „общество“ и его печать, словно по уговору, начали не въ одной только Франціи, но и по всему „цивилизованному міру“ осыпать обвиненіями и оскорбленіями не версальцевъ, совершавшихъ убійства, а и биваемыхъ коммунаровъ.

Оргія избіеній, совершаемая версальскими войсками, всюду была привѣтствуема, какъ славная побѣда „порядка“. „Коммуна“ стала синонимомъ *) всякихъ невыразимыхъ ужасовъ. Казни кучки заложниковъ изъ нѣсколькихъ сотенъ ихъ, — этотъ единственный актъ

*. Синонимы — различныя слова со сходнымъ значеніемъ.

возмездія со стороны приверженцев коммуны, — явилась прямо манной небесной для буржуазных классов, которым нужен был какой-нибудь предлог, чтобы разразиться негодованіем; въ противномъ же случаѣ имъ пришлось бы продолжать неистовствовать по поводу казни чуть ли не зачисленныхъ въ святыя герои Леонта и Клеманъ-Тома или по поводу наглости національныхъ гвардейцевъ, дерзнувшихъ оскорбиться, когда „почтенные“ люди обрушились на нихъ на улицѣ Мира съ револьверами и патками-стилетами. Оба послѣдніе инцидента были уже достаточно затасканы, избиты. Правда, это было неважно, такъ какъ „респектабельный“ міръ охотно готовъ былъ принять все, говорившее противъ коммуны, и безъ инцидента съ заложниками гнусность коммуны въ его глазахъ была бы столь же велика.

Но все-таки казнь заложниковъ явилась отличнымъ предлогомъ для выраженія „ужаса“ и „негодованія“, свидѣтельствуя этимъ, что затронуты классовые интересы. Убить былъ архіепископъ! Не просто человекъ, даже не священникъ, даже не епископъ, но архіепископъ! Не способно ли это, въ самомъ дѣлѣ, вызвать „дрожь“? Какое дѣло до того, что онъ былъ заложникомъ за жизнь 10 тысячъ невинныхъ, еще раньше разстрѣлянныхъ, въ числѣ ихъ и дѣтей, при извѣстнѣмъ убійствѣ которыхъ „цивилизованный міръ“ не испыталъ ни малѣйшихъ признаковъ той „дрожи ужаса и негодованія“, какая непременно охватываетъ его всякій разъ, когда убиваютъ кого-либо изъ представителей его класса.

Если изслѣдовать происхожденіе этой „дрожи ужаса“, то станетъ ясно, что она вытекаетъ изъ опасеній буржуа за существующій общественный порядокъ, которому грозятъ совершающіяся событія. Убійства солдатъ офицерами, выстрѣлы со стороны часовыхъ въ беззащитныхъ прохожихъ являются для буржуа просто

несчастными случайностями „военной дисциплины“, вещь, необходимою для существованія современнаго бюрократическаго государства.

Лишь въ послѣдствіи я понялъ весь смыслъ и значеніе крокодиловыхъ слезъ и вытья по поводу гибели кучки заложниковъ, понялъ, что они предназначены были для того, чтобы заглушить молчаливый призывъ къ отмщенію за тысячи убитыхъ рабочихъ, избіеніе которыхъ привело къ смерти заложниковъ.

Эта „дрожь ужаса“ въ различныхъ своихъ формахъ является одной изъ главныхъ особенностей реакціи, при помощи которыхъ послѣдняя старается одурачить общественное мнѣніе, что и дѣлала до сего времени, къ сожалѣнію, съ большимъ успѣхомъ. Газеты говорятъ публикѣ, что она чувствуетъ „дрожь ужаса“, и повторяютъ это до тѣхъ поръ, пока публика въ самомъ дѣлѣ начинаетъ думать, будто она ее чувствуетъ дѣйствительно; а журналисты тѣмъ временемъ посмѣиваются втихомолку. Замѣчанія эти особенно умѣстны по поводу разбираемаго нами вопроса, такъ какъ никогда еще правящіе классы не дѣлали болѣе откровенной и болѣе успѣшной попытки прикрыть свое собственное отвратительное преступленіе, сваливъ весь ужасъ позора на его жертву, какъ это имѣло мѣсто въ сужденіяхъ „цивилизованнаго міра“ о парижской коммуны.

XVI.

Заложники.

Для всякаго непредубѣжденнаго ума вполне очевидно, что во всей исторіи не было казни, имѣвшей за собой столько оправданій, какъ казнь заложниковъ введенными до отчаянія приверженцами коммуны. Все это поставщики общественныхъ чувствъ по дешевой цѣнѣ знали отлично, но ихъ владыка, классовый интересъ буржуазіи, требовалъ, какъ мы видѣли, чтобы сами они и всѣ истинные буржуа смотрѣли на этотъ

актъ справедливаго и даже, если мѣрить ихъ масштабомъ, далеко не равнаго возмездія, какъ на невыразимую жестокость. Что же касается аргумента, что лично заложники были ни въ чемъ неповинны, то буржуа слѣдовало бы объ этомъ вспомнить тогда, когда во время войны германскія военныя власти вновь воскресили практику брать заложниковъ въ обезпеченіе хорошаго поведенія врага. Насколько я знаю, мысль о томъ, что невинные французскіе граждане разстрѣливались за дѣянія своихъ согражданъ, носившихъ національнѣйшій мундиръ, никогда не вызвала особеннаго протеста со стороны чувствительной совѣстливости средняго класса или его печати. Кромѣ того, лично я не вижу нарушенія принциповъ справедливости въ томъ, что во время войны официальные представители непріятеля разсматриваются и отождествляются съ партіей, къ которой они принадлежатъ. Вѣдь это лишь логическій выводъ изъ занимаемаго ими положенія. Такова была и точка зрѣнія, явно принятая нѣмецкими военными властями, съ королемъ Пруссіи, впоследствии императоромъ Вильгельмомъ, во главѣ, молчаливо также признанная среднимъ классомъ всего міра при оцѣнкѣ случая съ заложниками съ точки зрѣнія юридическаго принципа. Большинствъ заложниковъ—архіепископъ Дарбуа, предсѣдатель кассационнаго сула Бонжанъ, крупный финансистъ Жекеръ и жандармы были настоящими „представителями врага“—церкви, государства, полиціи и капитализма въ ихъ наиболѣе агрессивныхъ *) формахъ. Впрочемъ, объ этомъ не стоитъ даже и говорить. Люди, вошедшіе больше всего, хорошо знали, что дѣйствія коммуны имѣютъ за собой полное оправданіе, но типичный буржуа обязанъ, въ силу своихъ традицій и классоваго интереса, находить, что коммуна была неправа, и онъ будетъ продолжатъ настаивать на своемъ.

*) Агрессивнѣйшій—наступательнѣйшій.

несмотря на всѣ факты, доказывающіе противное. Въ этомъ отношеніи слабая коммуна преступно открыла версальцамъ свободный кредитъ на избіеніе тысячъ ея приверженцевъ. Лишь тогда, когда число это дошло до десятковъ тысячъ, нѣкоторые коммунары дошли до такого „беззаконія“, что попытались приостановить бойню, разстрѣлявши нѣсколько десятковъ заложниковъ. Среднѣйшій классъ, повидимому, думаетъ, что его правящіе органы должны постоянно пользоваться неограниченной и исключительной монополіей убійства по отношенію къ своимъ противникамъ. Это требованіе немножко слишкомъ велико даже и для господствующаго класса.

Факты, впрочемъ, показываютъ, что версальцы были не только совершенно равнодушны къ судьбѣ этихъ драгоцѣнныхъ заложниковъ, по поводу смерти которыхъ „цивилизованный міръ“ (читай: господствующіе классы) поднялъ такой отвратительный вой, но нѣкоторые изъ нихъ даже предпочитали такую развязку дѣла. Такъ, Бартеlemi с. Плеръ, секретарь Тьера, когда ему указали на грозившую заложникамъ опасность, цинично отвѣтилъ: „Мы ничего не можемъ сдѣлать. Тѣмъ хуже для нихъ!“

Тьеръ преднамѣренно отклонилъ предложеніе обмѣнить пять заложниковъ, въ томъ числѣ святѣйшаго архіепископа, за одного лишь Бланки. Произошло это, быть можетъ, отчасти по настоянію католиковъ, ультрамонтановъ *), имѣвшихъ большое вліяніе въ собраніи, для которыхъ Дарбуа, какъ галликанецъ, т.-е. сторонникъ независимости французскаго духовенства по отношенію къ папскимъ пригизаніямъ, никоимъ образомъ не былъ пріятной особой. Его смертью они могли достигнуть сразу двухъ цѣлей: имѣть новаго христіанскаго мученика и, быть можетъ, получить для кого-нибудь изъ своихъ сторонниковъ доходную парижскую

*) Ульграмонганы—сторонники неограниченной папской власти въ католической церкви

спархію. Переговоры со стороны заложников велись при посредствѣ Лагарда, главнаго викарія Дарбуа. Этотъ трусливый негодяй, давшій честное слово и поклявшійся всѣмъ святымъ, что вернется, „даже если бы пришлось быть разстрѣляннымъ“, видя, что переговоры потерпѣли неудачу, и заботясь только о собственномъ спасеніи, рѣшилъ предоставить своихъ товарищей ихъ собственной судьбѣ. Онъ отказался вернуться обратно. Самъ Дарбуа, узнавъ о рѣшеніи Лагарда, не хотѣлъ ему вѣрннть. „Это невозможно,—сказалъ онъ,—г. Лагардъ самъ мнѣ давалъ клятву, что онъ непременно вернется“. Просьба и настоянія стараго прелата не помогли,—Лагардъ не хотѣлъ вернуться. Что, въ концѣ концовъ, версальцы стали считать казнь заложниковъ очень выгодной въ качествѣ предлога, чтобы прикрыть свои кровожадные планы, и потому намѣренно уклонялись отъ ихъ освобожденія, очевидно изъ того, что, будучи часовъ за 12 передъ казнью хозяевами почти всѣхъ улицъ, ведущихъ къ тюрьмѣ Ла-Рокеттъ, они не дѣлали попытокъ проникнуть въ зданіе тюрьмы.

ом эв

Мщеніе версальцевъ, какъ было уже указано, длилось до конца года. Ферре, оклеветанный, обвиненный и забрызганный грязью газетными лавеями капитализма, умеръ 28 ноября какъ коммунистъ, атеистъ и герой. Россель, запачканный тѣми же газетными лавеями, узнавшими въ немъ одного изъ своихъ—подъющаго надежды молодого человѣка средняго класса, былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ Ферре, предварительно обманувъ и оклеветавъ коммуноу, въ надеждѣ заслужить благо-склонность власть имущихъ. Онъ умеръ какъ буржуа, христіанинъ и трусъ. Но хотя непрерывный потокъ убійствъ по приговору суда ослабѣлъ въ концѣ 1871 года, не слѣдуетъ думать, что онъ вовсе пріостановился. Еще въ теченіе 1872 года совершено было нѣсколько „вазней“ на равнинѣ Сатори, а послѣдніе три чело-

вѣба, разстрѣлянные за участіе въ коммуѣ, погибли лишь 22 января 1 73 года. Всѣ эти несчастныя жертвы погибли на основаніи „очевидныхъ доказательствъ“, послѣ комедіи суда надъ ними, надъ которымъ посмѣялись бы въ любомъ англій комѣ судѣ; въ большинствѣ случаевъ осуждены они были за участіе въ событіяхъ, въ которыхъ имѣли не больше отношенія, чѣмъ читатели этой книги. Всякія показанія подкупленныхъ свидѣтелей, всякая клевета, какъ бы нелѣпа она ни была, подхватывались немедленно же военными судами и печатью. Не довольствуясь убійствами, французская буржуазія имѣла низость не разъ чернить характеръ своихъ жертвъ гнусными инсинуаціями*), которая даже не пыталась доказать. Была учреждена комиссія убійцъ въ формѣ такъ наз. комиссіи помилованій, состоявшая изъ завзятыхъ реакціонеровъ, обязанности которой заключались въ уиержденіи приговоровъ военныхъ судовъ. Слѣдуетъ напомнить, что убійства эти производились не въ пылу боя и даже не непосредственно послѣ побѣды, но продолжались непрерывно въ теченіе шести мѣсяцевъ, а спорадически больше года. И тѣ самые люди, которые привѣтствовали или, по крайней мѣрѣ, безъ протеста допускали эти ужасы, приходятъ въ ужасъ отъ развращенности Вальяна или Каверіо!

XVII.

Уроки коммуны.

Первый общій урокъ, который дало паденіе коммуны 1871 года, заключается въ указаніи крайней необходимости организациі сплоченной группы сознательныхъ пролетаріевъ и социалистовъ, хорошо знающихъ другъ друга, обладающихъ вполне опредѣленными взглядами, понимающихъ, что имъ нужно, и имѣющихъ всегда

*) Инсинуація—недобръ совѣстное выставленіе мыслей и поступковъ своего противника въ такомъ свѣтѣ, который можетъ ему повредить.

опредѣленное представленіе о томъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать во всякій данный критическій моментъ. Если бы такая группа лицъ была въ Парижѣ въ февралѣ и мартѣ 1871 года, дальнѣйшее теченіе событій могло бы быть совершенно инымъ. Вслѣдствіе разнородности элементовъ, составлявшихъ центральный комитетъ, преобладали отдѣльныя группы, и всякая нечестная или неспособная личность (въ родѣ Люлле), мало-мальски принявшаяся за дѣло, могла быстро приобрести вліяніе, роковое въ критическіе моменты.

Важность брать людей, руководствуясь не одной ихъ собственной оцѣнкой, никогда не понималась ни коммуной, ни комитетомъ. Если бы комитетъ не довѣрился Люмье, но самъ бы убѣдился въ занятіи Mont Valérien, то была бы избѣгнута одна изъ крупнѣйшихъ военныхъ ошибокъ. Если бы во главѣ возстанія 18 марта стояла руководящая группа людей, ворота Парижа были бы немедленно закрыты, и уже разстроеннымъ войскамъ никогда не удалось бы ускользнуть между пальцевъ революціи и образовать ядро версальской арміи. Министры, офицеры, однимъ словомъ, всѣ военныя и гражданскія власти были бы одновременно арестованы и немедленно состоялись бы приготовленія къ осужденію виновныхъ. Національное собраніе и правительство были виновны въ преступленіи даже съ обыкновенной точки зрѣнія. Они нарушили условія, на которыхъ были избраны, такъ какъ ихъ полномочія ограничивались лишь правомъ установить условія мира, а затѣмъ обратиться къ странѣ съ вопросомъ о формѣ конституціи. Вмѣсто этого они фактически взяли на себя полномочія учредительнаго собранія, съ явною цѣлью задуть всѣ республиканскія, демократическія и социалистическія стремленія по всей Франціи, въ особенности же нанести ударъ Парижу, который они считали главнымъ центромъ этихъ стремленій, другими словами—они были измѣнниками по отношенію къ странѣ.

Вождемъ своимъ, главой исполнительной власти они избрали Луи-Адольфа Тьера, быть можетъ одного изъ самыхъ умныхъ, самыхъ лицемѣрныхъ и самыхъ беззащитныхъ негодяевъ, какихъ когда-либо знала исторія. Какъ уже указано было въ III главѣ, вслѣдствіе упущенія центральнаго комитета, руководителю монархическаго заговора въ Версалѣ вмѣстѣ съ министрами позволили ускользнуть, вмѣсто того, чтобы арестовать его 18 марта. Если бы онъ былъ захваченъ и преданъ суду вмѣстѣ съ остальными, они были бы осуждены, и угроза казнить ихъ задержала бы надвигающіяся событія. Тогда у коммуны были бы дѣйствительные заложники. Вѣдь версальцы не разъ и не два призадумались бы, прежде чѣмъ избивать плѣнниковъ, если бы были убѣждены, что отвѣтомъ на первый подобный шагъ была бы немедленная казнь, скажемъ, Тьера. Коммуна хотѣла, чтобы война велась на гуманныхъ началахъ. Намѣреніе прекрасное само по себѣ, но необходимо, чтобы съ нимъ согласились обѣ воюющія стороны. Со стороны коммуны было преступной слабостью не сообразовать свой образъ дѣйствій съ тѣмъ обстоятельствомъ, что версальцы рѣшили вести себя какъ дикіе звѣри. Но лучшимъ заложникомъ для коммуны былъ все-таки французскій банкъ. Какъ хорошо замѣчаетъ г. Лиссагарэ, банкъ, хранившіеся въ немъ списки владчиковъ и всякіе фонды были наиболѣ слабыми мѣстами буржуазіи. Если бы коммуна или комитетъ захватили банкъ съ его милліонами и со списками 90 тысячъ владчиковъ со всей Франціи,—версальцы должны были бы сдаться. А вмѣсто того коммуна послушалась стараго Белэ, въ свою очередь ставшаго орудіемъ въ рукахъ де-Плека, вице-директора банка, и въ результатѣ оказалось, что находившіеся въ распоряженіи коммуны обширныя финансовыя ресурсы оставались нетронутыми.

Никто изъ участниковъ революціи, о которыхъ мы говорили, не оцѣнилъ, повидимому, французское правило:

на войнѣ, какъ на войнѣ, и щепетильность во всемъ, что касалось наложенія рукъ на собственность или личность противниковъ, помѣшала успѣху дѣла. Никто правильно не оцѣнилъ основныхъ правилъ этики *) возстанія, гласящихъ, что всякая администрація, выдвигнутая возстаніемъ и упрочившаяся въ силу этого факта (съ точки зрѣнія возстанія), становится единственнымъ правомѣрнымъ вмѣстилищемъ власти на все это время, и что правительство, противъ котораго возстаніе было направлено, становится, въ свою очередь, „бунтовщической“ властью, которую необходимо возможно скорѣе сломить. Собраніе и министры были бунтовщики; не въ переговоры вступать надо было съ ними, а уничтожить ихъ. Комитету, вмѣсто переговоровъ, надо было бы сразу же со всѣми силами національныхъ гвардейцевъ обрушиться на Версаль, тогда еще слабый, и разсѣять національное собраніе. То была единственная разумная тактика послѣ первой ошибки, заключавшійся въ томъ, что были упущены министры и армія. Вмѣсто того коммуна провела цѣлыхъ двѣ недѣли въ неудачныхъ попыткахъ переговоровъ съ версальцами, которые версальцы затягивали съ удовольствіемъ до тѣхъ поръ, пока не организовали своихъ воинныхъ силъ и не устроили соглашения съ нѣмецкими военными властями относительно быстрого освобожденія военноплѣнныхъ. (Объ остальныхъ ошибкахъ мы уже говорили при описаніи обороны Парижа.

Одной изъ несчастныхъ чертъ характера всѣхъ вождей коммуны была ихъ чувствительность къ буржуазному общественному мнѣнію. Первое, чему пужно научаться вождю революціоннаго движенія, это—здоровому презрѣнію къ официальному общественному мнѣнію „цивилизованнаго міра“. Онъ рѣшительно долженъ закалить свое сердце противъ его „дрожи ужаса“, „негодованія“,

„возмущенія“, „отвращенія“, долженъ научиться улыбаться на всѣ названія, которыми тотъ столь щедро будетъ осыпать его самого и его дѣло.

Чтобы сломить силу представителей установленнаго порядка въ печати и на трибунѣ, необходимо имѣть сильную партійную печать, которая будетъ давать правильное освѣщеніе вещамъ передъ смѣшанной частью общественнаго мнѣнія, съ колеблющимися взглядами или вовсе безъ опредѣленныхъ взглядовъ; эта послѣдняя, не вдумываясь и не разбирая факты сама, воспринимаетъ воззрѣнія, часто повторяющіяся и не встрѣчающія рѣшительнаго и открыто выраженаго противорѣчія. Предназначенныя извращенія фактовъ и уродливыя сужденія буржуазныхъ газетъ относительно коммуны были слишкомъ явны, чтобы обмануть кого-либо, даже человѣка съ самымъ простымъ здравымъ смысломъ... но это все-таки случилось, потому что не было соотвѣтствующей печати, чтобы истолковать ихъ правильно.

Но господствующіе классы, хотя имъ и удастся, благодаря своей власти и богатству, извратить на время истину, больше сдѣлать не въ состояніи. Пролетаріатъ, сознавъ свои классовые интересы и зная, съ чѣмъ они связаны, не забудетъ пионеровъ въ борьбѣ за свободу. Уже 18-е марта стало по всему міру однимъ изъ великихъ дней въ календарѣ социалистовъ. Удивительно не то, что классъ капиталистовъ, обладающій монополіей всякихъ органовъ общественнаго мнѣнія, всей печатью, всякимъ заломъ и мѣстомъ для собраній, былъ въ состояніи заглушить голосъ истины и справедливости своимъ наглымъ шумомъ, а то, что, несмотря на весь этотъ крикъ и на отсутствіе въ то время социалистической печати, о которой стоило бы говорить, истинное значеніе и правильно переданные факты изъ жизни коммуны все-таки пробились на свѣтъ. Но это было такъ. Нашлось нѣсколько честныхъ людей изъ средняго класса, которые, мало заботясь о самой коммунѣ и не

*) Этика—ученіе о нравственности.

сочувствуя ей цѣлямъ, отказались присоединиться къ заговору оклеветанія коммуны и говорили правду про все, что они видѣли и слышали въ Парижѣ во время господства тамъ пролетаріата, засвидѣтельствовавъ благородное безпристрастіе защитниковъ коммуны и низость ихъ преслѣдователей.

Вообще, исторія коммуны показала, что мнѣніе „цивилизованнаго міра“, выражаемое руководящими писателями въ крупныхъ органахъ печати и ораторами на каедрѣхъ собраній, какъ въ своихъ нравственныхъ, такъ и въ политическихъ и соціальныхъ сужденіяхъ, несмотря на кажущееся различіе и разнообразіе, имѣетъ своимъ конечнымъ мѣриломъ реальныя или воображаемыя интересы господствующаго класса капиталистовъ.

С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Б.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг.: гос.изд-во. 1920)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (Спб., 1906)
Гюстав Дефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Максим Вильом. В дни Коммуны (записки участника) (Л.: Прибой, 1925)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит.-ра. 1947)
Поэзия коммунаров и стихи, посвященные Парижской коммуне
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: ИЛ. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.3.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина. В 2 тт. (М.: изд-во АН СССР, 1961).
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: ИЛ. 1956)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М.: изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1926.)
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

Эти и другие документы, исследования, публицистику, фотографии и литографии, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям, можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

а также

<http://al-hromov.livejournal.com/32942.html>